Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

1869.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. Отчетъ Московскаго Юрид. Общества за 1868 и 1869 годы ..... 3—7

II. Извлеченія изъ протоколовъ Моск. Юридич. Общества ..... 8—20

III. Общія замѣчанія на I кн. т. X ч. 1 о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. В. Лешкова. 21—38

IV. Судебная Практика.

1) Рѣшеніе 6-го Деп. Прав. Сената по дѣлу бирскаго исправника Васильева и проч., обвиняемыхъ въ истязаніи купца Севастьянова ..... 39—60

2) Рѣшеніе Моск. судебной палаты по дѣлу книгопродавцевъ Лисенкова и Кожанчикова *(передача авторскаго права на литер. произведенія и послѣдствія таковой передачи)* ..... 60—64

3) Опредѣленіе той же палаты по дѣлу Венеціанова съ Енолѣевымъ *(порядокъ составленія и исправленія протоколовъ по гражданскимъ дѣламъ)* .... 64—67

V. Юридическія замѣтки.

По поводу ст. ст. 220, 1.428, 1.740, 1.529, 1.510—22, 1.679, 1,575 и 1.583 X т. 1 ч. ..... 68—74

По поводу ст. 1.148 и 106 Законовъ Граж. ..... 74—77

VI. Критика и библіографія.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1869.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ДЕКАБРЬ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)

на Страстномъ бульварѣ.

1869.

ОТЧЕТЪ

Московскаго Юридическаго Общества за 1868 и 1869 годы.

(Читанный секретаремъ Общества А. М. Фальковскимъ въ годичномъ засѣданіи 18 февраля 1870 г.) *)

Мм. Гг.

Юридическое Общество, на основаніи 7 и 8 §§ Устава, въ годичномъ засѣданіи 17 февраля 1868 г. избрало предсѣдателемъ своимъ Н. В. Калачова, а въ кандидаты къ нему А. И. Вицына; прочія должностныя лица и кандидаты къ нимъ остались прежніе. Съ 17 же февраля 1869 года составъ должностныхъ лицъ былъ слѣдующій: предсѣдателемъ В. Н. Лешковъ, кандидатомъ его А. И. Вицынъ, секретаремъ А. М. Фальковскій и кандидатомъ его К. П. Палибинъ; каз. начеемъ Е. П. Паціентовъ, кандидатомъ его Я. И. Любимцевъ

Для опредѣленія въ настоящее время числа дѣйствительныхъ членовъ Общества у меня нѣтъ надлежащихъ данныхъ; кромѣ того не приведено еще въ извѣстность, какихъ именно лицъ изъ членовъ, согласно 11 § Устава, слѣдуетъ считать выбывшими изъ Общества.

Изъ отчетности о суммахъ, принадлежащихъ Обществу, оказывается:

*) По случаю поздняго выпуска №12 „Юридическ. Вѣстника“ мы имѣемъ возможность помѣстить этотъ отчетъ, читанный въ 1870 году, въ книжкѣ отъ декабря 1869 г. *Ред.*

Къ 17 февраля 1868 г. оставалось:

Наличными	624	р.	51 к.
5% билетами 2-го внутренняго съ выигрышами займа	1100	„	„ „

Къ тому съ 17 февраля 1868 г. по 17 февраля 1869 г. поступило:

Взносовъ отъ членовъ и за дипломы	437	р.	„ к.
Отъ книгопродавца Анисимова за проданные экземпляры *Юридическаго Вѣстника*	225	„	— „
	662	„	— „

Всего съ остаточными:

Наличными	1286	„	51 к.
5% билетами	1100	„	— „

Изъ нихъ израсходовано съ 17 февраля 1868 г. по 17 февраля 1869 года.

На изданіе *Юридическаго Вѣстника*	373	„	80 „
На напечатаніе разныхъ публикацій	94	„	58 „
На канцелярскіе матеріалы и хозяйство	48	„	93 „
Письмоводителю жалованья и награды	145	„	— „
Сторожу и разсыльному жалованья и награды	106	„	— „
	768	„	31 „

Затѣмъ въ остаткѣ къ 17 февраля 1869 г.:

Нальчными	518	„	20 „
5% билетами	1100	„	— „

Къ тому поступило по 17 февраля 1870 г.

Взносовъ отъ членовъ и за дипломы	693	„	— „
Отъ книгопродавца Анисимова за проданные экземпляры *Юридическаго Вѣстника*	112	„	50 „
Отъ книгопродавца Соловьева	522	„	39 „
Отъ разныхъ лицъ	12	„	— „
	1339	„	89 „

Всего съ остаточными:

наличными	1858	„	9 „
5% билетами	1100	„	— „

Изъ нихъ по 17 февраля 1870 г. израсходовано:

За напечатаніе разныхъ объявленій	34 „	— „
По изданію *Юридическаго Вѣстника*	544 „	23 „
На покупку шкафа и книгъ.	43 „	85 „
На канцелярскіе матеріалы и хозяйство. . . .	44 „	48 „
За разборъ книгъ и переписку каталога. . .	12 „	— „
За страхованіе 5% билетовъ.	2 „	20 „
Письмоводителю жалованья и награды.	145 „	— „
Сторожу и разсыльному жалованья и награды .	126 „	— „
	951 „	76 „

Затѣмъ въ остаткѣ къ 17 февраля 1870 г.:

Наличными. . .	906 „	33 „
5% билетами. .	1100 „	— „

Библіотека Общества увеличилась покупкою нѣсколькихъ частныхъ изданій Законовъ.

Изъ этого краткаго очерка состоянія Юридическаго Общества видно, что матеріальныя его средства, въ виду предстоящихъ членскихъ взносовъ, достаточно обезпечиваютъ будущее изданіе *Юридическаго Вѣстника*.

Обращаясь затѣмъ къ дѣятельности нашего Общества, мы должны сказать, что оно по прежнему удержало за собою преимущественно практическое направленіе. Занятія его главнымъ образомъ заключались въ разрѣшеніи вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права. Къ сожалѣнію, за смертію бывшаго члена И. *А*. Еропкина, многіе изъ протоколовъ засѣданій Общества за 1868 годъ, имъ составленные, не были переданы мнѣ. Многоуважаемый нашъ сочленъ и бывшій предсѣдатель Общества Н. В. Калачовъ въ засѣданіи общества отъ 20 февраля 1868 г. сообщилъ программу разработки началъ русскаго гражданскаго права по Своду Законовъ, его источникамъ и по судебнымъ рѣшеніямъ. Общество весьма сочувственно отнеслось къ этой программѣ, напечатанной въ № 11 *Юридическаго Вѣстника*. Но понятно, что подобный планъ работъ не могъ получить своего осуществленія въ обществѣ, состоящемъ преимущественно изъ лицъ, занятыхъ государственною службою

и практическою судебною дѣятельностью. Притомъ, какъ справедливо нѣкоторыми изъ членовъ Общества было замѣчено, для коллегіальнаго рѣшенія доступны преимущественно вопросы изъ области практики; составленіе же ученыхъ трактатовъ требуетъ скорѣе индивидуальной дѣятельности. Общество всегда имѣло въ виду, что живой обмѣнъ мыслей и знаній, пріобрѣтенныхъ наукою и опытомъ, не можетъ пройдти безслѣдно; что практическіе вопросы, всесторонне обсужденные въ Обществѣ учеными и юристами-практиками, не могутъ оставаться безъ вліянія на мышленіе и, наконецъ, что члены Общества, принадлежа въ то же время къ болѣе великому обществу, служатъ проводниками юридическихъ познаній. Насъ, по всей справедливости, можно упрекнуть въ недостаточности участія членовъ въ изданіи печатнаго нашего органа, *Юридическаго Вѣстника*; но это явленіе обусловливается составомъ и характеромъ самаго Общества. Къ тому же интересъ времени, лихорадочная практическая дѣятельность отодвинули на второй планъ спокойный литературный трудъ. То, что составляетъ характеристику времени, не можетъ быть поставлено въ вину Московскому Юридическому Обществу. Существованіе нашего Общества вызвано пересозданіемъ бытовыхъ формъ Россіи и многочисленными преобразованіями въ области суда и администраціи, возбудившими всеобщее стремленіе къ изученію и развитію отечественнаго права. Задача и цѣль общества велики,—но полное осуществленіе ихъ требуетъ времени.

Въ Обществѣ неоднократно возникала мысль о стенографированіи происходящихъ въ его засѣданіяхъ преній—мысль, которую слѣдуетъ, наконецъ, привести въ исполненіе. Это дастъ возможность ближе ознакомить публику съ дѣятельностью Юридическаго Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принести посильную дань нашей юридической литературѣ. Посѣщая часто засѣданія Общества, намъ неоднократно случалось быть свидѣтелемъ очень дѣльныхъ и многосторонніхъ обсужденій вопросовъ права. Къ сожалѣнію, эти пренія не оставляли по себѣ слѣда, и потому только, что не могли

быть стенографированы. Составленіе же протоколовъ по юридическимъ вопросамъ на основаніи однѣхъ только краткихъ замѣтокъ, не говоря уже о трудности такой работы, должно занять чрезвычайно много времени, и самые протоколы не могутъ отличаться полнотою и вѣрностью.

Вопросъ о продолженіи изданія *Юридическаго Вѣстника* порѣшенъ былъ утвердительно. Н. В. Калачовъ и С. С. Шайкевичъ остаются попрежнему редакторами этого изданія. По нѣкоторымъ вопросамъ, разрѣшеннымъ Юридическимъ Обществомъ, протоколы будутъ сообщены редакціи.

Мы оставляемъ перечень вопросовъ, разрѣшенныхъ обществомъ, до другаго времени съ тѣмъ, чтобы помѣстить его съ отвѣтами на нихъ.

Общество лишилось своихъ достойныхъ членовъ: присяжнаго повѣреннаго М. И. Доброхотова и члена Нижегородскаго Окружнаго Суда И. А. Еропкина. Смерть похитила ихъ у насъ. Вспоминаемъ объ нихъ въ память трудовъ, принесенныхъ ими Юридическому Обществу.

Въ заключеніе, Мм. Гг., позволяю себѣ сказать: станемъ всѣ дружнѣе трудиться въ тѣсномъ союзѣ съ нашимъ старѣйшимъ представителемъ науки и народнаго образованія—Московскимъ Университетомъ, и тогда, нѣтъ сомнѣнія, о нашихъ трудахъ сохранится здѣсь память!...

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

I.

О различіи на судѣ въ правахъ повѣренныхъ по правиламъ 11 октября 1866 г. и Суд. Уст. 20 ноября 1864 г.

1866 года января 19-го, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Лешкова, въ присутствіи 27 дѣйствительныхъ членовъ происходило слѣдующее:

Обсуждались вопросы: 1) „о правахъ и обязанностяхъ повѣреннаго по 14 и 17 ст. Высочайше утвержд. 11 октября 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта объ измѣненіи статей судопроизводства“ и 2) „какое различіе между повѣреннымъ по Зак. 11 октября 1865 г. и защитникомъ по Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 года.“

Вопросы эти были предложены *кн. Назаровымъ*, мнѣніе котораго заключалось въ томъ, что повѣренные, по 14 ст. Полож. 11 октября 1865 г., относительно предѣловъ и объема защиты существенно ничѣмъ не отличаются отъ защитниковъ по Судебнымъ Уставамъ. Это мнѣніе кн. Назаровъ основалъ на томъ, что какъ 14 ст. Положенія 11 октября, такъ и 744 ст. Судебныхъ Уставовъ почти одинаково опредѣляютъ права повѣренныхъ и защитниковъ. Если же и можно видѣть въ 14 ст. временныхъ правилъ нѣкоторую неопредѣленность, то для истолкованія ея всего правильнѣе обратиться къ судебнымъ Уставамъ, а не къ прежнимъ законамъ уголовнаго судопроизводства, потому что во 1-хъ,

допущеніе повѣренныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ явленіе новое, не существовавшее въ прежнемъ процессѣ; во 2-хъ, временныя правила, имѣя характеръ переходный, стремятся приблизить и общество и суды къ новымъ формамъ процесса. Существуетъ мнѣніе, что при отсутствіи обвинителя повѣренный, по 14 ст. временныхъ правилъ, можетъ только указывать на тѣ или другія обстоятельства, не дѣлая никакихъ выводовъ. Но такое толкованіе, по мнѣнію кн. Назарова, лишаетъ повѣреннаго всякаго существеннаго значенія: указываетъ на факты въ хронологическомъ или систематическомъ порядкѣ докладчикъ, а не повѣренный; послѣдній можетъ высказать убѣжденіе, почему именно тотъ или другой фактъ служитъ къ оправданію довѣрителя; далѣе, если при теперешнемъ процессѣ нѣтъ формальнаго обвинительнаго акта, то все-таки обвиненіе есть въ самомъ докладѣ; наконецъ, при теперешнемъ положеніи судей, они какъ чиновники, какъ представители государственнаго интереса, являются болѣе обвинителями.

Г. Фальковскій полагаетъ, что возбужденный кн. Назаровымъ вопросъ вполнѣ разрѣшается самымъ текстомъ 14 ст. временныхъ правилъ, при совершенной ясности котораго не настоитъ никакой надобности ни обращаться къ законамъ о рукоприкладствѣ, отмѣненнымъ новыми правилами, ни къ Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 г. Обращать вниманіе на обстоятельства дѣла, служащія по убѣжденію повѣреннаго къ оправданію обвиняемаго, вовсе не значитъ указывать на страницы подлиннаго дѣла, на которыхъ упоминается о томъ или другомъ фактѣ; ограниченіе роли повѣреннаго такою ролью не согласно ни съ духомъ закона, предоставляющаго подсудимымъ всѣ средства къ оправданію, ни съ буквою закона. Обращать вниманіе на обстоятельства, служащія къ оправданію, значитъ указывать на всѣ факты, которые относятся къ обсуждаемому проступку, и объяснять ихъ значеніе. Опредѣленіе же того, что именно относится къ этому проступку и что не относится, законъ предоставляетъ предсѣдателю суда, который

поэтому и имѣетъ право прекратить объясненія, коль скоро признаетъ, что объясненіе не разъясняетъ дѣла.

Г. Шайкевичъ, указавъ на важность вопроса, такъ какъ съ одной стороны временныя правила во многихъ мѣстностяхъ надолго останутся дѣйствующими законами, а съ другой—правильное разрѣшеніе вопроса должно устранить столкновенія предсѣдателей съ повѣренными, — замѣтилъ, что существеннаго различія между повѣренными по временнымъ правиламъ 11 октября и защитниками по Судебнымъ Уставамъ нельзя провести ни на основаніи теоріи, ни на основаніи положительнаго законодательства.

Обращаясь къ положительному законодательству, г. Шайкевичъ указалъ, что повѣренные по дѣламъ уголовнымъ допускались по 353 ст. 2 ч. XV т. и до изданія временныхъ правилъ 11 октября; такіе повѣренные именно могли дѣлать рукоприкладства. Но ни предѣлы, ни объемъ рукоприкладства въ дѣлахъ уголовныхъ не были точно опредѣлены законами. Поэтому, на практикѣ рядомъ съ рукоприкладствами, заключавшими въ себѣ простую скрѣпу по листамъ докладной записки съ указаніемъ, что послѣдняя составлена правильно, встрѣчались рукоприкладства, въ которыхъ входили всѣ элементы защитительныхъ адвокатскихъ рѣчей: и критика дѣйствій слѣдователя, и анализъ фактовъ, и толкованіе значенія и примѣнимости или непримѣнимости законовъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ рукоприкладства самихъ подсудимыхъ, имѣли кляузный характеръ, и потому, не пользуясь вниманіемъ судей, нерѣдко оставались вовсе не прочитанными и, слѣдовательно, не приносили пользы подсудимымъ. Можетъ быть это и было причиной, что со введеніемъ гласности въ процессъ рукоприкладство замѣнено было словесными объясненіями. Являясь, такимъ образомъ, замѣной рукоприкладства, словесныя объясненія, какъ и первое, могутъ вмѣщать въ себѣ всѣ элементы адвокатскихъ рѣчей. Если во временныхъ правилахъ, именно въ 14 ст., содержаніе словесныхъ объясненій болѣе формулировано, чѣмъ въ прежнихъ законахъ содержаніе рукоприкладства, то въ этомъ

формулированіи нельзя видѣть строгаго опредѣленія границъ слова, въ немъ скорѣе заключается совѣтъ: воздерживаться отъ излишнихъ, не идущихъ къ дѣлу объясненій; такой же совѣтъ, который выраженъ и въ Судебныхъ Уставахъ. Но при всемъ томъ, по мнѣнію г. Шайкевича, различіе между повѣреннымъ по временнымъ правиламъ и защитникомъ по Судебнымъ Уставамъ вытекаетъ изъ природы самыхъ процессовъ—настоящаго и будущаго. Теперь, когда дѣло обсуждается на основаніи слѣдствія, произведеннаго до открытія суда, повѣренный можетъ указывать лишь на факты, открытые этимъ слѣдствіемъ; при обвинительномъ же процессѣ и при существованіи судебнаго слѣдствія защитникъ можетъ явиться съ новыми доказательствами, выставить своихъ свидѣтелей, своихъ экспертовъ и т. п.

Это различіе въ формахъ уголовнаго процесса порождаетъ, конечно, различіе и въ *положеніи*, но не въ правахъ адвоката. Въ первомъ случаѣ, при стѣсненной гласности, при полномъ отсутствіи состязательности, и устность процесса имѣетъ несравненно болѣе узкій просторъ, чѣмъ въ процессѣ съ обвинительными формами, гдѣ адвокату приходится не только оцѣнивать существующій матеріалъ, но и представлять новый, гдѣ онъ дѣйствуетъ на присяжныхъ или судей, совершенно свободныхъ отъ всякаго предубѣжденія, и гдѣ самое убѣжденіе слагается непосредственно, въ виду говорящихъ лицъ и наличныхъ вещественныхъ доказательствъ.

Такимъ образомъ защита при старомъ порядкѣ (по правиламъ 11 октября 1865 г.) и по Судебнымъ Уставамъ, конечно, разнятся между собою, и различіе это обусловливается формами всего судопроизводства. Но, строго разбирая права и обязанности повѣренныхъ по временнымъ правиламъ и по Судебнымъ Уставамъ *въ отношеніи характера и объема судебныхъ рѣчей*, нельзя сказать, что первый не вправѣ дѣлать выводовъ изъ фактовъ, представлять свои соображенія о пригодности къ данному случаю той или другой статьи законовъ и т. п. Все это повѣренный вправѣ дѣлать, какъ это дѣлали прежде въ рукоприкладствѣ, и вотъ

почему въ этомъ отношеніи опредѣленіе юридическаго различія въ правахъ обоихъ защитниковъ невозможно.

Г. Арсеньевъ, не соглашаясь съ мнѣніями гг. кн. Назарова и Фальковскаго, раздѣляетъ мнѣніе г. Шайкевича только въ томъ отношеніи, что при объясненіи временныхъ правилъ 11 окт. необходимо обращаться къ законодательству, дѣйствовавшему до ихъ введенія. Сопоставляя законы о рукоприкладствѣ съ 12 и 14 стт. Полож. 11 окт., г. Арсеньевъ указалъ на то, что какъ словесное объясненіе, такъ и рукоприкладство допускаются законами, какъ слѣдствіе обозрѣнія дѣла, и поэтому должны имѣть одинакія условія. Предѣлы рукоприкладства въ 353 ст. 2 ч. XV т. не указаны; болѣе точныя опредѣленія существуютъ въ законахъ гражданскаго судопроизводства, именно 460 ст. 2 ч. X т., по которой каждый изъ тяжущихся, если усмотритъ въ запискѣ что либо изъ дѣла и законовъ упущеннымъ или неправильно записаннымъ, можетъ просить о пополненіи, описывая въ рукоприкладствѣ, какія именно обстоятельства дѣла и законы должны быть приняты въ соображеніе, ссылаясь на документы, при дѣлѣ состоящіе, но удерживаясь отъ всего излишняго и къ поясненію дѣла не служащаго. При одинаковости формы и значенія рукоприкладства по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, приведенный законъ, будучи сопоставленъ съ 14 ст. Пол. 11 окт. и съ 744 ст. Судеб. Уставовъ, указываетъ различіе между повѣреннымъ по временнымъ правиламъ и защитникомъ по Судеб. Уставамъ. Первый можетъ указывать на обстоятельства дѣла и документы, второй на обстоятельства и доводы, т.-е. послѣднему предоставленъ гораздо большій просторъ, такъ какъ понятіе „доводы“ вообще несравненно шире чѣмъ понятіе „документы.“ Далѣе различіе заключается въ томъ, что по 746 ст. Суд. Уставовъ защитникъ имѣетъ право указывать на примѣненіе законовъ къ обсуждаемому преступленію; по временнымъ же правиламъ ни подсудимый, ни повѣренный этого права не имѣютъ; по временнымъ правиламъ повѣренный можетъ указывать на тѣ только законы, которые были примѣняемы при производствѣ слѣдствія, т.-е. на законы про-

цессуальные, но не можетъ трактовать о законахъ, опредѣляющихъ свойство преступленія и наказанія. Эти различія въ правахъ теперешнихъ повѣренныхъ и будущихъ защитниковъ, по мнѣнію г. Арсеньева, обусловливаются различіями процессовъ. Въ настоящее время судья есть и обвинитель, и защитникъ и судья. Давать при такомъ положеніи процесса полное развитіе защитѣ, при несуществованіи особаго обвиненія, значило бы ставить судью въ крайне затруднительное положеніе. Въ заключеніе г. Арсеньевъ высказалъ свое мнѣніе о значеніи 17 ст. времен. правилъ. Онъ полагаетъ, что если эта статья и даетъ предсѣдателю право направлять и прекращать объясненія, то только въ интересѣ ясности дѣла, а слѣдовательно и въ интересѣ подсудимыхъ. Съ одной стороны ни одинъ предсѣдатель не рѣшится отнять права послѣдняго слова отъ подсудимаго, если только онъ можетъ сколько-нибудь разъяснить дѣло; съ другой стороны невозможно длить объясненія, которыя, вмѣсто группировки фактовъ, безъ всякой пользы утомляютъ вниманіе судей и замедляютъ ходъ процесса. Наконецъ, въ разрѣшеніи вопроса о томъ, относятся ли объясненія къ дѣлу или нѣтъ, предсѣдатель можетъ руководствоваться мнѣніями прочихъ членовъ суда и прежде чѣмъ лишать слова, напоминать защитнику, чтобы онъ не уклонялся отъ главныхъ обстоятельствъ дѣла.

Противъ мнѣнія г. Арсеньева возражали *гг. Назаровъ* и *Шайкевичъ*: они замѣтили, что изъ различія словъ *доводы* и *обстоятельства* нельзя выводить различія въ правахъ защитника и повѣреннаго. Указывать на обстоятельства значитъ сопоставлять ихъ, а изъ этого сопоставленія и вытекаютъ выводы и доводы. Далѣе, нельзя признать достаточнаго основанія и за другимъ положеніемъ г. Арсеньева, что повѣренный не можетъ говорить о примѣненіи закона; часто одно указаніе на статьи закона, на которыя ссылался слѣдователь, есть вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на примѣненіе закона; кромѣ того при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ во второй судебной инстанціи вовсе нельзя устранить объясненій о примѣненіи законовъ.

Г. Головнинъ, возражая противъ мнѣнія г. Шайкевича о

значеніи рукоприкладства, замѣтилъ, что предѣлы и цѣль рукоприкладства по уголовнымъ дѣламъ были довольно точно опредѣлены 388 ст. 2 ч. XV т., по которой рукоприкладство имѣло значеніе наблюденія за вѣрностью доклада. Поэтому, если иногда рукоприкладство и расширялось до адвокатской рѣчи, то не вслѣдствіе неопредѣленнаго закона, а вслѣдствіе терпимости судовъ, хотя и весьма естественной и похвальной. Далѣе г. Головнинъ возражалъ противъ мнѣнія и членовъ, что словесныя объясненія подсудимыхъ и ихъ повѣренныхъ замѣнили рукоприкладство. Наше законодательство, по мнѣнію г. Головнина, не всегда развивается такъ послѣдовательно, чтобы всякое позднѣйшее положеніе можно было объяснить предшествовавшими или даже указать связь того и другаго; положеніе 11 октября 1865 г. не было развитіемъ формъ прежняго процесса, оно внесло въ старый процессъ нѣсколько постановленій изъ новаго процесса, такъ словесныя объясненія были заимствованы изъ процесса обвинительнаго, а рукоприкладство, какъ видно изъ 12 ст. Полож., было вовсе отмѣнено. Для объясненія значенія обвинительнаго процесса мы имѣемъ только Судебные Уставы 20-го ноября, которые и должны быть приняты въ руководство при опредѣленіи значенія повѣренныхъ. Цѣль словесныхъ объясненій какъ теперешнихъ повѣренныхъ, такъ и будущихъ одна и та же: защита обвиняемаго, для которой можно не только указывать на обстоятельства, но и сдѣлать выводы, чего не лишаетъ и 14 ст. Полож. Изъ того, что при теперешнемъ процессѣ нѣтъ обвинительнаго акта, нельзя вывести, что невозможна полная защита. Правда, что докладъ не есть обвиненіе, это разсказъ безъ всякаго вывода; но и въ немъ непремѣнно есть обвиняющіе факты, носящіе въ себѣ обвинительный элементъ. Если смотрѣть такъ, что въ докладѣ обвиненіе совершенно уравновѣшено съ оправданіемъ, въ такомъ случаѣ защита, словесныя объясненія вовсе не нужны. Но какъ скоро законъ допустилъ словесныя объясненія, значитъ онъ призналъ или, что обвиненіе въ докладѣ сильнѣе оправданія, или, что въ процессѣ должно быть болѣе средствъ къ защитѣ, чѣмъ къ

обвиненію. И въ томъ и въ другомъ случаѣ законъ призналъ необходимость защиты, и законъ этотъ долженъ быть исполненъ. Затѣмъ, различіе теперешняго повѣреннаго отъ будущаго защитника заключается въ томъ, что теперешній защитникъ не можетъ подводить статьи о наказаніи, потому что въ теченіи всего процесса до судебнаго приговора объ нихъ не говорили, и онѣ защитнику изъ хода процесса не извѣстны. Наконецъ, относительно значенія 17 ст. Полож. г. Головнинъ замѣтилъ, что предсѣдатель долженъ останавливать защитника только при объясненіяхъ, вовсе не имѣющихъ связи съ дѣломъ; всѣ же объясненія, имѣющія хотя бы и отдаленную связь съ обстоятельствами дѣла, слѣдуетъ допускать уже потому, что иногда и обстоятельства и объясненія, не имѣющія по видимому непосредственной связи съ главнымъ событіемъ, бываютъ необходимы по характеру защиты.

Г. Харламповичъ необходимость объясненія 14 ст. Полож. 11 октября Судебными Уставами доказывалъ тѣмъ, что 14 статья имѣетъ связь съ статьями послѣдующими, въ которыхъ или сдѣлана прямая ссылка на Судебные Уставы, какъ въ ст. 15, или есть указанія, что словесныя объясненія могутъ возбудить одобреніе или неодобреніе въ публикѣ, ст. 16, что не мыслимо при ограниченіи словесныхъ объясненій указаніями на страницы производства, изъ которыхъ что либо пропущено или невѣрно передано въ докладѣ.

На это *Г. Арсеньевъ* возражалъ тѣмъ, что ст. 14 не имѣетъ связи съ стт. 15 и 16, такъ какъ первая опредѣляетъ права повѣренныхъ, а вторая внѣшній порядокъ судебныхъ засѣданій.

Въ заключеніе преній *Г. Остроглазовъ* прочелъ мнѣніе Митермайера о различіи повѣренныхъ при слѣдственномъ процессѣ и защитниковъ въ процессѣ обвинительномъ изъ соч. о *Судебной защитѣ* *).

---

*) Изъ протокола не видно, чтобы по окончаніи преній приступлено было къ отобранію мнѣній прочихъ членовъ Общества или къ окончательному выводу изъ преній. *Ред.*

II.

О подложныхъ счетахъ, не подписанныхъ отвѣтчикомъ.

1865 года 6-го октября, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Лешкова, въ присутствіи 26 дѣйствительныхъ членовъ, происходило слѣдующее.

Обсуждались вопросы: 1) Слѣдуетъ ли считать за извѣтъ о подлогѣ, упоминаемомъ въ 1615 ст. XI т., указаніе отвѣтчика на то, что въ представленный на него ко взысканію счетъ, имъ не подписанный, включены уплоченные и несуществовавшіе долги, и 2) если не слѣдуетъ, то въ правѣ ли Коммерческій Судъ, получивши отъ отвѣтчика, вмѣсто явки его по вторичной повѣсткѣ, подобный отзывъ о подлогѣ счета и увѣдомленіе уголовнаго суда о производствѣ въ немъ дѣла о томъ же счетѣ, приступить къ разрѣшенію дѣла, не дождавшись рѣшенія уголовнаго суда и не назначая отвѣтчику новаго срока для явки?

Вопросы эти обсуждались по поводу предложенной В. Н. Лешковымъ записки, въ которой изложены были обстоятельства дѣла; записка эта прилагается къ протоколу.

Обсуждая первый вопросъ, гг. Головнинъ, Игнатьевъ, Рихтеръ, Пчелинъ и Сумбулъ полагали, что извѣтомъ о подлогѣ въ актѣ, о которомъ говорится въ 1615 ст. XI т., слѣдуетъ считать лишь указаніе на поддѣлку акта въ цѣломъ составѣ или въ какой-либо части; поддѣлку, относящуюся только къ формѣ составленія, а никакъ не къ содержанію, и поэтому извѣтъ о подлогѣ счета, представленнаго составителемъ безъ всякой подписи какъ отвѣтчика, такъ и кого-либо другаго сторонняго лица не слѣдуетъ подводить подъ 1615 ст. XI т., а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя останавливать по такому извѣту производство дѣла въ порядкѣ гражданскомъ.

Противъ этого мнѣнія возражали гг. Лешковъ и Харламповичъ; они полагаютъ, что понятіе о подлогѣ можетъ относиться и къ содержанію акта, какъ напр. торговыя книги, веденныя самимъ должникомъ, могутъ оказаться подложными не по формѣ составленія, а по содержанію; обращаясь

къ дѣлу, послужившему поводомъ къ возбужденію вопроса, они замѣтили, что счеты, по которымъ производятся дѣла въ Коммерческихъ Судахъ, большею частію не что иное какъ выписка изъ торговыхъ книгъ, и съ признаніемъ возможности подлога послѣднихъ нельзя не допустить возможности подлога и самыхъ счетовъ.

На это г. Игнатьевъ замѣтилъ, что при извѣтѣ о подлогѣ должно быть положительно указано, какой актъ считаютъ подложнымъ; въ данномъ случаѣ представленъ ко взысканію счетъ и объ немъ должно быть сдѣлано показаніе—подложенъ онъ или неподложенъ, какъ актъ; если этотъ счетъ есть не что иное какъ выписка или копія съ той или другой статьи торговыхъ книгъ, то независимо отъ подложности или неподложности книгъ, онъ самъ по себѣ, какъ актъ, неподложенъ. Нельзя считать подложною копію, напримѣръ, съ крѣпостнаго акта, записаннаго въ крѣпостную книгу съ поддѣлкою, если эта копія, сама по себѣ есть только списокъ, удостовѣренный въ вѣрности надлежащимъ образомъ.

Переходя далѣе ко второму вопросу, принимавшіе участіе въ преніяхъ полагали, что Коммерческій Судъ, принявши дѣло къ своему производству, при неявкѣ отвѣтчика по вторичной повѣсткѣ, долженъ былъ приступить къ разрѣшенію дѣла по имѣющимся въ немъ доказательствамъ на основаніи 1547 ст. XI т.; при чемъ ни письменный отзывъ отвѣтчика, ни увѣдомленіе суда уголовнаго не могли остановить производства; отзывъ отвѣтчика потому, что не содержалъ въ себѣ указанія на законныя препятствія къ явкѣ въ судъ, препятствія, исчисленныя въ 1542 ст. XI т.; увѣдомленіе же уголовнаго суда не могло остановить производства потому, что отъ самаго гражданскаго суда зависитъ опредѣлить возможность или невозможность разрѣшить гражданскій искъ, прежде окончанія дѣла уголовнаго, и производство дѣла въ порядкѣ уголовномъ, по существующимъ законамъ, не устраняетъ возможность совмѣстнаго производства въ порядкѣ гражданскомъ.

Приложеніе къ протоколу 6 октября 1865 года.

„Нѣкто, родомъ Англичанинъ, записавшись по оборотамъ своимъ въ Россійское торговое сословіе, заявилъ въ одномъ изъ нашихъ коммерческихъ судовъ на русскаго подданнаго словесную жалобу, съ представленіемъ счета, неподписаннаго отвѣтчикомъ, на сумму болѣе 3500 р. серебромъ.

„Возвративъ подлинный счетъ повѣренному отъ истца съ роспискою его на копіи, и завѣривъ эту копію чрезъ присяжнаго пристава, коммерческій судъ приложилъ ту копію при повѣсткѣ и прислалъ ея къ отвѣтчику для обозрѣнія, назначивъ ему съ тѣмъ вмѣстѣ срокъ на явку для разбирательства.

„Обозрѣвъ приложенный счетъ, отвѣтчикъ замѣтилъ, что на этомъ счетѣ нѣтъ его подписи, а при отсутствіи ея, по 1640 ст. XI т. уст. торг., такой счетъ несоставляетъ доказательства въ пользу того, кѣмъ онъ былъ веденъ или составленъ, если не будетъ должникомъ подписанъ.

„Кромѣ того, при повѣркѣ счета отвѣтчикъ нашелъ его составленнымъ подложно.

„Не касаясь разъясненія всего вообще подлога, приводятся здѣсь только два случая, болѣе рѣзкихъ въ сравненіи съ другими менѣе важными по своему значенію, а именно:

„Назадъ тому болѣе четырехъ лѣтъ истецъ, продавши отвѣтчику иностранный товаръ въ кредитъ, взялъ съ него вмѣсто наличныхъ денегъ векселя. Потомъ мѣсяца чрезъ полтора тотъ же продавецъ, имѣя надобность въ этомъ товарѣ, просилъ покупщика (нынѣ отвѣтчика) возвратить ему тотъ товаръ, который по взаимному ихъ соглашенію былъ дѣйствительно возвращенъ; при этомъ слѣдовало возратить и полученные за тотъ товаръ векселя; но какъ они уже находились будто бы въ дисконтѣ, то продавецъ (что нынѣ истецъ) далъ покупщику своеручную записку въ томъ, что покупщикъ или яснѣе векселедатель по этимъ векселямъ нисколько не долженъ, а обязывается продавецъ, т. е. векселедержатель, самъ заплатить по нимъ деньги и векселя возвратить покупщику съ платежною на нихъ над-

писью. Между тѣмъ, имѣя векселя въ своихъ рукахъ, этотъ же самый продавецъ товара, не смотря на объявленную имъ самимъ безденежность этихъ векселей, представилъ ихъ къ учету въ Государственный коммерческій банкъ, и предъ наступленіемъ срока платежа, выкупивъ ихъ за счетъ векселедателя, снова поставилъ ихъ въ счетъ тому же векселедателю, какъ оплоченные за него коммерческому банку.

Такимъ образомъ, по предумышленному намѣренію векселедержателя векселедатель, лишась купленнаго товара, подвергался видимой опасности взысканія со стороны коммерческаго банка, и наконецъ не избѣгъ этого взысканія чрезъ коммерческій судъ.

Точно также этотъ Англичанинъ поступилъ съ двумя другими векселями, принадлежащими тому же самому лицу, котораго онъ привлекаетъ теперь къ отвѣтственности, не смотря на то, что при протестѣ двухъ этихъ векселей въ маклерскихъ книгахъ есть росписки для доставленія ихъ по принадлежности; но господинъ, родомъ Англичанинъ, присвоилъ ихъ себѣ въ видахъ самопроизвольнаго захвата подъ тѣмъ предлогомъ, что на этихъ векселяхъ есть бланкъ отвѣтчика, поставленный впрочемъ до протеста тѣхъ векселей.

Въ томъ же счётѣ есть и такія статьи, по которымъ истецъ кредитовалъ своему отвѣтчику наличную сумму денегъ, положимъ въ настоящемъ году въ августѣ мѣсяцѣ, а обратное полученіе ихъ значится двумя мѣсяцами того же года ранѣе самаго кредита, значитъ платежъ былъ прежде займа.

Сообразивъ 1615 ст. XI т. уст. торг., въ коей сказано, что разсмотрѣніе дѣлъ о подлогахъ производится уголовнымъ судомъ; а потому, если по производству въ коммерческомъ судѣ одна сторона объявитъ, что она считаетъ актъ подложнымъ, *то судъ отсылаетъ спорящихъ* къ разсмотрѣнію уголовнаго суда и отстрочиваетъ рѣшеніе дѣла до рѣшенія о подлогѣ;—отвѣтчикъ, представивъ присланный къ нему счетъ и имѣвшіяся у него письменныя доказательства въ уголовный судъ, просилъ оный по разсмотрѣніи представленныхъ доказательствъ произвесть о заявленномъ подлогѣ изслѣдованіе.

Удостовѣрясь въ дѣйствительности доказательствъ, уголовный судъ назначилъ слѣдствіе о чемъ и донесъ отъ себя коммерческому суду.

На вторичную повѣстку коммерческаго суда, послѣдовавшую прежде донесенія суда уголовнаго, отвѣтчикъ въ день назначеннаго срока, руководствуясь 1547 ст. уст. торг., заявилъ коммерческому суду формальнымъ прошеніемъ, что за признаніемъ полученнаго имъ счета подложнымъ и за представленіемъ его

вмѣстѣ съ доказательствами въ уголовный судъ онъ проситъ отсрочить рѣшеніе дѣла до рѣшенія о подлогѣ.

Коммерческій судъ на это прошеніе заключилъ: счесть отвѣтчика не явившимся, и дѣло рѣшить по обстоятельствамъ, т. е. по тѣмъ доказательствамъ, которыя со стороны отвѣтчика заявлены подложными и по 1640 ст. не имѣющими силы доказательствъ.

Отсюда возникаетъ вопросъ: какой изъ двухъ судовъ, одинъ другому не подчиненныхъ, поступилъ законно и правильно? Судъ ли уголовный, назначившій слѣдствіе по неопровержимымъ доказательствамъ, или судъ коммерческій, сочтя формальное заявленіе отвѣтчика неявкою его къ разбирательству?—и не слѣдовало-ли коммерческому суду, не приступая къ рѣшенію дѣла по существу, назначить отвѣтчику новый срокъ для разбирательства?[a]

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ПЕРВУЮ КНИГУ X Т. 1 Ч. СВ. ГР. ЗАКОНОВЪ, ГОВОРЯЩУЮ О ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ СЕМЕЙСТВЕННЫХЪ.

Въ одномъ изъ №№ „Юридическаго Вѣстника“ Моск. Юр. Общества было напечатано предложеніе нашего почтеннаго сочлена Н. В. Калачова о томъ, чтобы Моск. Юрид. Общество приняло на себя между прочимъ разработку Свода Гражд. Законовъ въ видахъ и съ цѣлію содѣйствовать, по силамъ, къ составленію Гражданскаго Уложенія. Еще ранѣе предложенія Н. В. Калачова, въ одномъ изъ засѣданій Общества, другой почтенный сочленъ А. А. Шапошниковъ заявлялъ потребность подобнаго пересмотра нашего Свода Законовъ, и Общество приняло это заявленіе на страницы своихъ протоколовъ. На основаніи всего этого полагаю, что Москов. Юрид. Общество и редакція „Юридическаго Вѣстника“ примутъ и мои „замѣчанія на первую книгу Гражд. Законовъ,“ какъ откликъ на вопросъ, открытый въ нашемъ Обществѣ и въ нашемъ журналѣ съ давнихъ поръ. Не льщу себя надеждой дать при этомъ отвѣтъ удовлетворительный тѣмъ болѣе, что, сверхъ указанныхъ поводовъ, имѣю еще стороннее побужденіе написать свои „замѣчанія“ и притомъ болѣе съ цѣлію систематическаго изложенія общихъ началъ, нежели въ видахъ практическихъ результатовъ. Извѣстно, что часто со стороны лицъ, занимающихся исторіею, слышатся упреки юристамъ въ томъ, будто они, говоря о состояніи того-другаго права въ древности, переносятъ современныя юридическія понятія и воззрѣнія на событія временъ Св. Владиміра и В. Ярослава. Извѣстно, какъ часто эти упреки бываютъ неосновательны, потому что не

дѣлаютъ различія между *началами* права и его *понятіями*,— *началами*, которыя, какъ вѣчныя истины, всегда и повсюду существуютъ, и *понятіями*, которыя, какъ формы проявленія истинъ, мѣняются, отживаютъ, вымираютъ, уступая мѣсто другимъ, столь же недолговѣчнымъ формамъ. Прибавлю, что въ наше время, такъ круто повернувшееся къ народности, многіе изъ пишущихъ, часто безъ всякаго изученія дѣла, безъ всякой подготовки, допускаютъ нерѣдко такія ложныя толкованія разныхъ проявленій народности въ сферѣ права, что юристу невозможно не оговорить ихъ. Кто не встрѣчалъ въ современныхъ повѣстяхъ, романахъ, очеркахъ изъ русскаго быта юридической поговорки: вдова—мірской человѣкъ, въ смыслѣ совершенно не юридическомъ, не правильномъ, извращенномъ? Наконецъ, заключу это изложеніе поводовъ къ написанію своихъ „замѣчаній“ ссылкою на духъ времени, жаждущаго установленія понятій преимущественно въ области семьи, гдѣ господствуютъ самодуры повѣстей и драмъ, и откуда вытекаютъ или не разрѣшимые вопросы для мировыхъ судей, или доводящіе нѣкоторыхъ до соблазна приговоры общихъ судовъ, или негласныя, и мало съ чѣмъ въ литературѣ и въ народной совѣсти соглашаемыя рѣшенія духовныхъ консисторій, или наконецъ такъ же не гласныя, и уже ни съ чѣмъ не согласныя распоряженія администраціи въ области семейнаго права. Но довольно о поводахъ; перехожу къ вопросамъ.

Первый вопросъ, по моему, самый важный, состоитъ въ томъ, *принадлежитъ ли семейное право къ области гражданскаго*? Вопросъ весьма не новый; вопросъ очень старый, и однакожь доселѣ рѣшительно не установленный. Въ языческой древности семья разсматривалась или какъ государственное, политическое учрежденіе, напр. въ Спартѣ, или какъ частное право гражданина, какъ гражданское право, напр. въ Римѣ. Съ христіанства семья получаетъ новую основу и форму и переносится въ область церкви, откуда выходитъ въ послѣдствіи, особенно съ реформаціи, и снова передается гражданскому суду, гражданскому вѣдомству, и

включается въ кодексы гражданскаго права. Замѣчательно однакожь, что со времени христіанства всѣ цивилисты-юристы, воспитавшіеся на строго логическихъ пріемахъ юристовъ римскихъ, постоянно встрѣчали и доселѣ встрѣчаютъ неразрѣшимыя затрудненія при изложеніи семейнаго гражданскаго права въ духѣ христіанства. Чувствуется, что трудность дѣла лежитъ не столько въ дѣлѣ, въ предметѣ, сколько въ томъ, что семья, существенно измѣнившаяся въ своей основѣ, все-таки разсматривается подъ вліяніемъ римскихъ гражданскихъ началъ и установленій. Прибавимъ къ этому, что напр. у насъ, по селамъ, общины, міры и ихъ сходки не могутъ оставаться равнодушными къ вопросу о построеніи семьи, и что такимъ образомъ на семью могутъ имѣть притязанія какъ государство, такъ и церковь, а далѣе община, и наконецъ сами частныя лица. Куда же должно отнести ученіе о семьѣ, къ государственному или къ общественному и церковному, или къ частному, гражданскому праву?

Мнѣ возражаютъ, что такой вопросъ не имѣетъ практической важности и практическаго интереса: для пониманія началъ извѣстнаго права рѣшительно все равно, говорятъ мнѣ, отнесете ли вы его къ тому, или другому отдѣлу права, только бы начала были изложены вѣрно и логично. Противъ такого возраженія могъ бы я отвѣчать простымъ вопросомъ на счетъ необходимости, признанной самими возражателями, подвергнуть пересмотру наши гражданскіе законы, и построить ихъ въ систему Уложенія, а не одного Свода. Основательный, настоящій пересмотръ долженъ непремѣнно затронуть вопросъ объ однородности содержанія Свода и только такимъ образомъ приготовить появленіе Уложенія. Отдѣлы права, какъ члены всякаго дѣленія, должны заключать въ себѣ все то, что къ нимъ отдѣляется, но только то, что отдѣляется, а потому составляютъ единство или содержатъ однородную массу. Только распоряженія и статьи устава, или отдѣла, логично построеннаго, понимаются легко и разъясняются разумно, и именно потому что общее начало, господствующее въ отдѣлѣ, наглядно пред-

ставляется уму читающаго. Съ другой стороны, принимая возраженіе противъ нашего вопроса въ томъ смыслѣ, что судъ и судопроизводство по дѣламъ брачнымъ и по вопросамъ семейнымъ не измѣняются отъ того, отнесемъ ли мы раздѣлъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ къ Своду Законовъ гражданскихъ, или уголовныхъ, или государственныхъ, то мы формально отрицаемъ основательность возраженія въ этомъ смыслѣ. Напротивъ, мы думаемъ, что именнно нашею постановкою вопроса о мѣстѣ въ системѣ будущаго Уложенія для семейнаго права разрѣшается весьма важный процессуальный вопросъ о вѣдомствѣ, куда должны поступать для суда и расправы дѣла семейныя. Такъ что, въ этомъ отношеніи, мы убѣждены, вопросъ нашъ имѣетъ весьма важный практическій интересъ.

Итакъ: принадлежитъ ли семейное право къ области, не говоримъ уголовнаго или государственнаго права, что ни для кого немыслимо, а даже гражданскаго, къ которому относятъ его вотъ уже не первую тысячу лѣтъ законодатели, практики и ученые юристы? Несмотря на эту громадную давность юридическаго межеванія, мы отрицаемъ эту давность, считаемъ ее простымъ lapsus temporis или потерею времени для праваго дѣла и требуемъ пересмотра вопроса и дѣла. Для рѣшенія же этого вопроса и дѣла приглашаемъ читателя обратиться къ установленію принципа, господствующаго въ гражданскомъ правѣ, и оттуда извлечь необходимое слѣдствіе, по которому окажется, что внесеніе семейнаго права въ систему гражданскаго столь же не логично, или не мыслимо, какъ внесеніе его въ область уголовнаго, или государственнаго. Извѣстны отношенія, подлежащія гражданскому суду и гражданскому праву,—это отношеніе отдѣльнаго недѣлимаго, гражданина къ вещамъ или къ имуществамъ и къ другимъ недѣлимымъ, или гражданамъ по поводу вещей или имуществъ. Отсюда двойственность названія для этого права, именуемаго гражданскимъ имущественнымъ, de meo & tuo. Понятно, что отношеніе недѣлимыхъ — гражданъ, какъ людей, хотя разсматриваемыхъ при этомъ въ ихъ отдѣльности, въ ихъ ви-

димомъ, чувственномъ, физическомъ бытіи и бытѣ,—что это отношеніе должно имѣть одно выраженіе: господства недѣлимыхъ надъ вещами или имуществами, dominium, и господства полнаго, исключительнаго и неограниченнаго, или такого, которое мы понимаемъ подъ словомъ собственность. Собственность или dominium есть идеалъ гражданскаго права, а потому собственность и dominium составляетъ высшій признакъ гражданскаго права. Гражданинъ, какъ человѣкъ, долженъ господствовать надъ всею массою вещей или имуществъ; формы этого господства, отъ собственности до владѣнія, и отъ владѣнія до распоряженія, или пользованія, равно какъ возможные способы пріобрѣтенія правъ пользованія, владѣнія и собственности, или случаи потери правъ этой собственности, этого владѣнія, или этого пользованія — вотъ summa summarum гражданскаго или имущественнаго права. Понятно далѣе, что гражданское право, имѣющее дѣло съ недѣлимыми, отдѣльными гражданами, даетъ поводъ этимъ отдѣльнымъ недѣлимымъ и даже вызываетъ ихъ своимъ принципомъ къ соединенію для удержанія и для усиленія господства надъ вещами, откуда происходятъ всѣ возможные сдѣлки и договоры между недѣлимыми. Отдѣльный гражданинъ, какъ отдѣльное недѣлимое, часто чувствуетъ свою слабость и несостоятельность относительно упроченія, или пріобрѣтенія своего господства надъ извѣстными вещами или имуществами и, естественно, ищетъ соединенія съ другими подобными ему недѣлимыми гражданами. Такъ происходятъ: 1) договоры вообще, или юридическія сдѣлки, однократныя, временныя, или кратковременныя соединенія и связи недѣлимыхъ въ формѣ соглашеній о куплѣ, мѣнѣ, залогѣ, дарѣ и т. п. Мнѣ вещь не нужна; стало, ею не пользуюсь, а потому, для поддержанія надъ этою вещію господства, подобающаго человѣку, я продаю вещь, мѣняю, дарю и т. п. Для меня не подъ силу управиться съ домомъ, или съ имѣніемъ какъ должно, для извлеченія оттуда возможной пользы, я уступаю свой домъ, или свое имѣніе тому, у кого болѣе силъ и средствъ воспользоваться этими имуществами сообразно ихъ назначенію. Такъ же происходятъ: 2) болѣе

прочныя, болѣе постоянныя и продолжительныя сдѣлки отдѣльныхъ гражданъ относительно имуществъ, въ формѣ договоровъ складчины, товарищества, артели, компаніи, посредствомъ которыхъ пріобрѣтаютъ массы имуществъ, недоступныя усиліямъ отдѣльныхъ гражданъ, или посредствомъ которыхъ эти массы подвергаются распоряженію болѣе энергическому и успѣшному, чѣмъ распоряженіе отдѣльныхъ недѣлимыхъ. Стало быть, и здѣсь, въ области договоровъ, имѣется въ виду достиженіе полнаго, т.-е неограниченнаго, господства гражданъ надъ вещами; но тутъ происходятъ новыя явленія — отношенія гражданъ къ гражданамъ, или взаимныя отношенія между договаривающимися, отношенія, которыя характеризуются словомъ: взаимныя, и подчиняются началу равенства. Каждый договаривающійся, кредиторъ ли, или должникъ, имѣетъ и право относительно другаго договаривающагося, и обязанность, и притомъ, по требованію справедливости, въ равной мѣрѣ, т.-е. право его соразмѣряется съ обязанностію, а обязанность съ правомъ.

Предполагая все это яснымъ для каждаго, спѣшимъ къ выводамъ. Если гражданское право основано на принципѣ господства гражданъ надъ имуществами, а потому признаетъ и вызываетъ возможную энергію недѣлимыхъ въ этомъ отношеніи, то, естественно, что въ области гражданскаго права чаще всего можетъ встрѣтиться борьба разныхъ силъ и препирательство разныхъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ называемыхъ истцовъ и отвѣтчиковъ, обвинителей и обвиняемыхъ,—борьба и препирательство, которыя должны быть рѣшены кѣмъ нибудь третьимъ. Это судъ, обыкновенно рѣшающій тяжбы отъ имени государства и государственной власти, которая существуетъ преимущественно для охраны и порядка, какъ по всюду, такъ и въ этой области частной энергіи, частной дѣятельности, частной силы. Такъ гражданское право необходимо дополняется государственнымъ, а затѣмъ и уголовнымъ, и именно потому что область гражданскаго права знаетъ только недѣлимыхъ, отдѣльныхъ гражданъ, въ ихъ видимомъ, почти исключительно физическомъ,

матеріальномъ бытѣ, съ ихъ внѣшними дѣйствіями, единственными предметами для суда гражданскаго и уголовнаго.

Спрашивается, примѣнимы ли къ семьѣ принципы гражданскаго права и суда: принципы господства, неограниченности и исключительности, равно какъ равенства правъ и обязанностей, до подлежательности суду исключительно государственному, ограничивающему свое вѣдомство внѣшними, физическими дѣйствіями? Ни подъ какимъ видомъ. Потому, что мы не только недѣлимыя нашего рода, но лица,— не только граждане, но люди, одаренные не только тѣломъ, но и духомъ, и живущіе не только физическою, но и духовною жизнію, и не только для себя исключительно, но и для другихъ въ обществѣ, въ общеніи, которое подчиняется не столько началу господства, сколько взаимности, не столько неограниченной власти, сколько искренней любви. Въ значеніи человѣка и лица, каждый изъ насъ представляется съ полнотой человѣческой жизни, но такъ же слабымъ въ отдѣльности, а потому естественно ищущимъ соединенія съ другими лицами, подобно тому, какъ ищемъ мы этого соединенія въ области имуществъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ области имуществъ ищемъ мы опредѣленнаго, свойствомъ вещи указаннаго соединенія, а въ области личной полной жизни ищемъ соединенія, не легко высказываемаго одною фразой, или однимъ условіемъ, договоромъ, а только всею нашею жизнію. Таково соединеніе лицъ въ семьѣ, и таково значеніе семьи, это—consortium totius vitae, которое существенно измѣняетъ всѣ моменты гражданскаго права въ ихъ примѣненіи къ семейному,—пріобрѣтеніе правъ семейныхъ, или вступленіе въ бракъ, отношенія между лицами, — личныя права и вещныя, — прекращеніе, или потерю семейнаго права. Скажемъ о каждомъ изъ этихъ моментовъ хоть по нѣскольку извѣстныхъ положеній, въ отличіе отъ положеній имущественнаго права, собственно гражданскаго.

1. *Пріобрѣтеніемъ права* начинается изложеніе каждаго ученія о собственности, владѣніи повинностяхъ и т. п.; въ въ семейномъ правѣ говорится въ этомъ случаѣ *о правѣ*

вступленія въ бракъ, и при томъ такъ, что это вступленіе въ бракъ разсматривается, какъ абсолютное право всякаго человѣка, т. е. какъ прирожденное, неотъемлемое право каждаго человѣка, но именно человѣка, безъ всякаго различія въ его гражданскомъ быту, или въ государственномъ, политическомъ положеніи. Не обращая вниманія на внѣшнее положеніе брачащихся, законъ въ то же время дѣлаетъ разнообразныя распоряженія относительно человѣческихъ свойствъ этихъ брачащихся, и, прежде всего, онъ ищетъ отъ брака сближенія разныхъ противоположностей, начиная съ самой рѣзкой,—съ противоположности половъ. Такимъ образомъ бракъ становится союзомъ двухъ различныхъ половинъ человѣческаго рода. И понятно, что, кромѣ другихъ причинъ, заставляющихъ отрицать договорное значеніе брака, уже самый составъ брака изъ лицъ разныхъ половъ существенно отличаетъ бракъ отъ всѣхъ договоровъ, не знающихъ подобнаго ограниченія. Бракъ можетъ быть разумно основанъ только на любви, или на полномъ вліяніи лицъ и ихъ жизни и при томъ съ тою цѣлію, чтобы начало любви все болѣе и болѣе расширялось въ цѣлыхъ обществахъ, въ цѣломъ народѣ, во всемъ человѣчествѣ, захватывая въ свой кругъ все большее и большее количество лицъ, дотолѣ не имѣвшихъ между собою особыхъ связей. На этомъ основаніи законъ прямо запрещаетъ вступать въ бракъ лицамъ, между которыми уже существуетъ союзъ родства и свойства въ опредѣленной близости, и чрезъ то явно требуетъ отъ брачащихся созданія новыхъ союзовъ любви и привязанности. Съ другой стороны, такъ какъ въ обществѣ все развивается, то любовь брачащихся должна расшириться на ихъ нисходящихъ, и законъ имѣетъ въ виду именно этихъ нисходящихъ, предписывая разныя условія для вступающихъ въ бракъ, какъ то: извѣстный возрастъ, извѣстное состояніе здоровья, преимущественно душевнаго во избѣжаніе несчастныхъ послѣдствій для жизни и для здоровья потомства. Наконецъ, общеніе супруговъ, какъ все человѣческое, имѣетъ предѣлы, и никакая любовь не въ силахъ уничтожить нѣкоторыя различія въ лицахъ, по-

этому законъ предупреждаетъ разочарованія и предписываетъ извѣстныя ограниченія, или условія на случай вступленія въ бракъ лицъ разнаго исповѣданія, разныхъ вѣрованій, а потому разныхъ моральныхъ воззрѣній, равно какъ на случай вступленія въ бракъ лицъ различной національности, или разнаго подданства. Въ тоже время законъ увѣренъ въ той степени могущества любви, по которому всѣ внѣшнія, гражданскія и политическія, различія сглаживаются въ бракѣ, а потому не можетъ не допускать браковъ между лицами всѣхъ возможныхъ состояній, безъ различія въ сословіяхъ, званіяхъ, состояніяхъ и т. п. Ясно, что законъ о бракахъ стоитъ твердо на почвѣ человѣческой природы, вѣры и морали, и только, а потому, естественно, онъ ничего общаго не имѣетъ съ закономъ объ имуществахъ, или о договорахъ, или вообще съ закономъ гражданскимъ. И это положеніе свое удерживаетъ законъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся семьи, какъ непосредственнаго, необходимаго слѣдствія, или даже цѣли браковъ.

Союзъ брачащихся есть уже семья, или начальное человѣческое общество, первичная форма и основная завязь всѣхъ послѣдующихъ чисто человѣческихъ обществъ, гдѣ не отдѣльныя дѣйствія, имущества, или средства и способности человѣка сливаются и соединяются, а гдѣ входятъ въ соединеніе цѣлостныя лица, со всею ихъ человѣческой природой, душою и тѣломъ, по всѣмъ человѣческимъ вопросамъ и интересамъ матеріальнымъ и духовнымъ. Таковы, по общему признанію, семейства, но не менѣе семействъ, таковы общины и приходы,—общины сельскія и городскія, далѣе земство уѣздныя и областныя, и наконецъ всенародное земство, весь народъ. Понятно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь законъ признаетъ за обществами самоуправленіе въ самомъ широкомъ значеніи слова, и именно не токмо въ смыслѣ собственнаго управленія, но въ смыслѣ собственной жизни, собственнаго, самостоятельнаго развитія, изъятаго отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Не должны мѣшаться во внутреннія, существенныя дѣла семьи, церкви, земства ни правительства, ни частныя лица, которыя сверхъ

того сами подчиняются вліянію такихъ обществъ, живя и дѣйствуя въ семьѣ, въ общинѣ, въ церковномъ общеніи, въ земскомъ народномъ обществѣ. Понятно далѣе, что какъ жизнь въ сферѣ этихъ обществъ, такъ и отношенія между лицами въ средѣ обществъ должны отъ свойства общества получить свои опредѣленія, и не могутъ имѣть ничего общаго съ жизнію гражданъ, отдѣльно взятыхъ, или съ отношеніями между лицами, разсматриваемыми въ ихъ исключительности, какъ то дѣлается въ правѣ гражданскомъ, или имущественномъ. Напротивъ, семейное право, какъ общественное, должно произвести соотвѣтственныя перемѣны въ гражданскихъ институтахъ напр. собственности личной и исключительной, служащей высшимъ выраженіемъ для права лицъ надъ вещами, дѣлая изъ нея право общенія имуществъ, равно какъ напр. въ принципѣ свободы и равенства, господствующихъ въ сферѣ договоровъ между отдѣльными лицами, смягчая начало свободы началомъ уравненія, ставя то и другое подъ связь и въ зависимость отъ общества. Покажемъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ тѣ перемѣны, которыя совершаются въ правахъ личныхъ и имущественныхъ, когда субъекты этихъ правъ вступаютъ въ бракъ и въ семейство.

2. *Права семейныя.—а) Права брачащихся и вопервыхъ личныя.* Свободны и равны между собою брачащіеся, но понятно, что съ минуты вступленія ихъ въ бракъ свобода ихъ и равенство измѣняются настолько, насколько того требуютъ понятіе и природа брака, его поддержаніе, сохраненіе, осуществленіе. Совмѣстность жизни, преобладающее значеніе мужа, какъ дѣятеля, и жены, какъ его помощницы, и все это по началу брака—любви, даетъ закону основанія говорить о взаимной любви между супругами, о власти и подчиненіи, о власти и повиновеніи, о необходимости жить вмѣстѣ и о правѣ мужа требовать, чтобы жена слѣдовала за нимъ, какъ нитка за иголкой, потому что иначе бракъ немыслимъ и общеніе жизни невозможно. Итакъ, не воля и произволъ вступающихъ въ бракъ опредѣляютъ взаимныя между ними отношенія, а природа брака и его существо,

которыя при этомъ налагаютъ обязанности на мужа и его жену и чрезъ то дѣлаютъ ихъ взаимныя отношенія взаимными обязательствами.

Что до *правъ имущественныхъ*, то совмѣстность брачной жизни не можетъ не произвести перемѣны въ правахъ, которыми теперь брачащіеся до брака пользовались въ ихъ отдѣльныхъ, исключительно каждому изъ нихъ принадлежавшихъ имуществахъ. Имущества ихъ необходимо сближаются и даже сливаются. Не даромъ иныя законодательства говорятъ тутъ объ имуществѣ общемъ (bien commun), или объ общеніи имуществъ (communauté des biens), или объ единствѣ лица, которое управляетъ имуществомъ семьи; не даромъ и другія законодательства формально особыми, положительно—ясными статьями постановляютъ, что имущества мужа и жены не составляютъ общаго владѣнія. Уже особенность названія для имущества жены—приданое, которое передается мужу по рядной записи, а иногда обезпечивается имуществомъ мужа, какъ bona paraphrna напр. и у насъ въ Губ. Черниговской и Полтавской, наводитъ на мысль, что бракъ, по его природѣ, непремѣнно сближаетъ отдѣльныя имущества, смягчаетъ исключительность права надъ нимъ и ведетъ неизбѣжно къ большему, или меньшему общенію. И только отсюда можно объяснить обязанность, возложенную даже нашими законами на *одного* мужа—доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе, но не наоборотъ; равно какъ только отсюда, изъ этого естественнаго соединенія брака выясняется то положеніе закона, по которому мужъ сообщаетъ свои права женѣ, не пріобрѣтая отъ нея соотвѣтственныхъ тому преимуществъ.

б) *Права родителей и дѣтей и вопервыхъ личныя.* Свойство этихъ правъ характеризуется началомъ и словомъ *власти* родительской,—власти, которая въ быту и въ отношеніяхъ гражданской жизни, гдѣ господствуетъ начало договора, а въ договорѣ начало равенства, не легко можетъ встрѣтиться, и если гдѣ встрѣчается, то въ особомъ смыслѣ. Говоритъ законъ гражданскій о власти лица, но надъ вещію,—упоминаетъ о власти хозяина относительно наня-

тыхъ имъ лицъ, но въ предѣлахъ условія, тогда какъ власть родителей существуетъ помимо всякихъ условій, силою закона, или въ силу понятія о семействѣ. Только эта власть расширяется на дѣтей всякаго возраста и во всѣхъ ихъ отношеніяхъ, начиная съ религіознаго воспитанія, образованія и развитія, до права принимать мѣры къ ихъ исправленію и наказанію; и только власть обращать дѣтей въ имущество или власть укрѣплять ихъ и убивать воспрещается родителямъ. Но важнѣе всего то, что эта власть въ семьѣ ни когда не можетъ дойти до нуля, или вовсе не существовать; ибо иначе нѣтъ семьи, нѣтъ брака, и станетъ господствовать коммунизмъ или соціализмъ. Какимъ же образомъ можно согласить такія положенія съ принципами гражданскаго права? И не отъ того ли эти семейныя начала колеблются въ глазахъ многихъ, что освѣщаются ложнымъ свѣтомъ гражданскаго права, къ семейству вовсе непримѣнимаго?

Имущественныя права родителей. Сближая статьи дѣйствующаго закона о повинности или обязанности мужа содержать свою жену, или такой же обязанности родителей кормить и одѣвать, питать, воспитывать и образовать своихъ дѣтей, равно какъ статью о томъ, что дѣти, въ свой чередъ, должны помогать бѣднымъ и дряхлымъ родителямъ, чувствуется, что имущество семьи должно быть чѣмъ-то единымъ, недробимымъ, какою-то общностію, по началу общенія, communio bonorum, какъ это признается многими законодательствами, и какъ то совершалось изстари и совершается теперь по обычаямъ русскаго народа. Такимъ образомъ случилось, что законъ у насъ только въ новое время, напр. съ Петра Великаго, да и то лишь въ Сводѣ Гражд. Законовъ, который преимущественно касается сословія дворянскаго, проводитъ противоположное начало отдѣленія имущества мужа отъ имущества жены, или имущества родителей отъ имущества дѣтей, да и при этомъ законъ нашъ все таки говоритъ о нѣкоторыхъ правахъ родителей по имуществу даже отдѣленныхъ отъ нихъ дѣтей.

Одно очевидно, что бракъ и собственно семья не могутъ имѣть другаго значенія, кромѣ значенія общества, и что

права лицъ въ этомъ обществѣ вытекаютъ изъ идеи семьи, или зависятъ отъ устройства семьи, а не изъ личности самихъ членовъ, или отдѣльно разсматриваемыхъ лицъ, какъ то необходимо совершается въ области собственно гражданскаго, договорнаго права. И, будучи основано на любви, семья не токмо не стѣсняетъ правъ отдѣльныхъ лицъ, но скорѣе содѣйствуетъ ихъ развитію, смыкая въ одно различныхъ дѣятелей и образуя изъ нихъ ассоціацію для совмѣстнаго пріобрѣтенія разныхъ правъ. Для нѣкоторыхъ же членовъ своихъ семья составляетъ условіе бытія и развитія. По этому, даже тамъ, гдѣ общество стеченіемъ внѣшнихъ, естественныхъ событій не вполнѣ составляется, или разлагается, разумъ человѣчества изобрѣлъ искусственныя средства восполнять семью усыновленіемъ и продолжать ея дѣятельность учрежденіемъ душеприкащиковъ, опекуновъ и попечителей. Если бы семья составляла для человѣка что нибудь не благотворное, а стѣснительное, не сталъ бы онъ придумывать, при ея разрушеніи, новыхъ аналогическихъ замѣнъ или суррогатовъ, душеприкащиковъ, опекъ и т. п. Эти замѣны такъ естественны, что въ нѣкоторыхъ законодательствахъ обыкновенная, природная семья сама построяется по аналогіи замѣняющихъ ее учрежденій, и именно такъ, подобно русскому дѣйствующему Своду, гдѣ законъ о власти родительской весьма схожъ съ закономъ о власти опекунской. Но, какъ мы выше сказали, такое дѣйствіе закона противорѣчитъ народному духу, въ силу котораго естественная семья должна служить первообразомъ для опеки, а потому тутъ скорѣе можно защищать учрежденіе душеприкащиковъ, даже безотчетныхъ, нежели опекуновъ и попечителей. Эту мысль я уже разъ передавалъ на обсужденіе Юрид. Общества, и болѣе на ней останавливаться не буду. Перехожу къ вопросу о прекращеніи семейнаго союза и семейныхъ отношеній, которымъ семейное право также существенно отличается отъ права гражданскаго.

3. *Прекращеніе семейныхъ правъ.* Главное начало состоитъ въ томъ, что какъ органическое общество, подобно общинѣ, земству, церкви и народу, или государству, семья не зави-

ситъ отъ произвола лицъ, и въ этомъ отношеніи не расторжима. Союзъ брака, ровно какъ союзъ между родителями и дѣтьми не подлежатъ ни произвольному разрыву, ни прекращенію за истеченіемъ сроковъ, подобно договорамъ и договорнымъ обществамъ. Брачный и семейный союзы уступаютъ только смерти, или суду. Такая крѣпкая связь между лицами, составляющими семейство, не можетъ не отразиться на имуществѣ этихъ лицъ, да такъ, что смерть владѣвшаго извѣстнымъ имуществомъ не освобождаетъ этого имущества отъ власти оставшихся въ живыхъ сочленовъ семьи. Какъ производительная ассоціація, гдѣ одни были главными дѣйствующими, другіе помогающими, или по крайней мѣрѣ возбуждающими къ дѣятельности, семья считаетъ себя въ правѣ овладѣть оставшимся послѣ умершаго своего сочлена имуществомъ. Отсюда идея наслѣдства и наслѣдованія, совершенно необъяснимая съ точки зрѣнія чистаго гражданскаго права, по которому смерть хозяина должна дѣлать имущество безхозяйнымъ, res nullius, и которое, кажется, только по этому, только для сообщенія своимъ вопросамъ о наслѣдованіи основъ права, пріурочиваетъ все семейное право къ гражданской сферѣ. Въ его же собственной исторіи находимъ факты, доказывающіе, что первичная форма наслѣдованія была законная, закономъ указанная, на основаніи признанія права на наслѣдство за членами семьи, а при несуществованіи семьи, за членами общины и т. д. права отдѣльныхъ гражданъ, отдѣльныхъ лицъ и завѣщанія дѣлать, и по силѣ завѣщаній, пріобрѣтать наслѣдства, эти права уже образовались изъ обычая, по которому наслѣдство почиталось принадлежностію членовъ семьи. По этому первичныя завѣщанія имѣли дѣйствіе только относительно haeredes suos, т. е., говоря вообще, относительно ближайшихъ родныхъ, или дѣтей. Лишеніе дѣтей наслѣдства, выводъ имѣнія изъ своего рода по всюду требуютъ законныхъ основаній или подлежатъ ограниченіямъ, или даже запрещенію. Немыслимо такое стѣсненіе распоряженій лица гражданскаго, разсматриваемаго въ его индивидуальномъ. обособленномъ, собственно гражданскомъ быту.

Итакъ мы раздѣляемъ изстари чувствуемое почти всѣми христіанскими писателями, по части гражданскаго права, неудобство соединить въ одно цѣлое двѣ разныя системы правъ—систему собственно-гражданскаго, отдѣльно личнаго и систему семейнаго, или общественнаго права, и даже совершенно согласны съ воззрѣніями новѣйшихъ писателей по этимъ вопросамъ, заявляющихъ всю несоизмѣримость правъ о моемъ и твоемъ, исключительныхъ и борющихся, съ правами семейными, столько связанными съ началами любви и общенія, мира и гармоніи. Наконецъ мы заявляемъ, что семейное право есть принадлежность правъ общественнаго церковнаго и земскаго или народнаго, для которыхъ семейное право служитъ такою же основой, какъ семья для высшихъ соединеній — церкви, общины, земства, народа. Оставаясь въ сферѣ гражданской, семья будетъ разсматриваться только со стороны имущественнаго быта, между тѣмъ какъ всѣ мы знаемъ, что въ семьѣ вопросы объ имуществахъ едва ли не послѣднее дѣло. Въ семьѣ главную роль играютъ вопросы вѣры и религіи, затѣмъ морали и воспитанія, далѣе промысловъ и рода жизни, причемъ, какъ извѣстно, повсюду дѣйствуетъ семейная власть, и вообще такія начала, которыя въ гражданскомъ правѣ не имѣютъ для себя ни основъ, ни объясненій. Замѣтимъ кстати, что даже допустивши исключительно гражданскую, имущественную точку зрѣнія на семейство, и тогда пришлось бы возражать противъ составителей напр. нашего Свода, помѣстившихъ законы о семействѣ прежде законовъ объ имуществахъ. Мы знаемъ, что чисто-имущественное право существенно измѣняется въ быту семейномъ, а потому изложеніе имущественныхъ учрежденій должно предшествовать изложенію учрежденій семейныхъ.

Куда же должно отнести систему законовъ о семейныхъ правахъ и обязанностяхъ? Конечно туда, куда принадлежитъ семья. Мы высказали обыкновенное положеніе, всѣми признанное, говоря выше о томъ, что семья служитъ основой для всѣхъ человѣческихъ обществъ, и намъ остается здѣсь повторить положеніе и сдѣлать изъ него выводъ, въ

томъ состоящій, что семья есть органъ тѣхъ обществъ, для которыхъ служитъ основою или подпочвой. Какъ органъ человѣческихъ обществъ, семья имѣетъ своимъ назначеніемъ выполнить извѣстную общественную задачу, налагаемую на нее свойствомъ и природой высшихъ, болѣе сложныхъ человѣческихъ союзовъ. Эти союзы, опирающіеся на семью и все непрерывно возрастающіе, представляются въ формѣ соединенія семействъ, домовъ и дворовъ въ церковные приходы, или далѣе въ формѣ общинъ сельскихъ и городскихъ, или еще выше въ формѣ земствъ уѣздныхъ и областныхъ, губернскихъ, или наконецъ въ образѣ народа. Поэтому ясно, что свойство и природа цѣлаго населенія страны въ образѣ народа должны находить въ семьѣ, какъ и въ другихъ посредствующихъ союзахъ, сподручныя орудія, или органы для своего сознанія и осуществленія, или для воплощенія этихъ народныхъ свойствъ и потребностей народной жизни. Въ семьѣ, какъ въ зародышѣ, или въ зернѣ, мы должны найти все, что составляетъ содержаніе общинъ, земствъ и народа, и притомъ не столько въ силу природы семьи, сколько по требованію высшихъ соединеній, и особенно народа, подобно тому какъ всякій членъ семьи скорѣе носитъ на себѣ печать семьи, чѣмъ подчиняетъ ее своему личному вліянію, или произволу. И дѣйствительно, начиная съ мысли о народѣ, намъ легко объяснить сущность семьи съ ея учрежденіями, законами и правилами. Прежде всего народъ намъ представляется съ правомъ на его бытіе, а это бытіе народа, какъ нѣчто вѣчно развивающееся и притомъ своеобразное, именуемое національностію, несомнѣнно вноситъ въ понятіе о народѣ право народа на его размноженіе и на расширеніе его національности, выражающейся въ его вѣрѣ, морали, убѣжденіяхъ, образѣ жизни, міросозерцаніи и т. д. Отсюда легко вывести право браковъ, выполняющихъ задачу размноженія народа, и вообще законы о семейномъ бытѣ.

Что касается до браковъ, то въ нашемъ общественномъ построеніи они представятся необходимо соединеніемъ мущины и женщины по взаимной любви, и притомъ не род-

ственной, или свойствомъ условленной, а любви половой, естественно служащей къ умноженію человѣческаго рода, а потому допускаемой только въ извѣстныхъ предѣлахъ жизни, ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно, да обезпечивающей здоровье и жизненность потомства, а потому требующей здоровья, или хоть исключающей завѣдомо существующія наслѣдственныя болѣзни, напр. сумасшествіе. При такихъ условіяхъ бракъ есть и право каждаго человѣка, и даже частію его обязанность предъ народомъ. Переходя собственно къ семьѣ, нельзя не видѣть въ ней живаго органа для постояннаго развитія въ странѣ и въ каждомъ поколѣніи народныхъ началъ—вѣры, морали, убѣжденій, и потому нельзя не признавать за семьею права на воспитаніе младшихъ членовъ старшими, на ихъ образованіе, обученіе и, такъ-сказать, на приготовленіе ихъ къ жизни въ народѣ по началамъ этого народа. Отсюда же выходитъ освященіе власти семейной, власти родителей, отца и опекуна, власти, которою снабжаются старшіе члены отъ имени народа и въ интересахъ народа.

Относя семейное право къ общественному и зная, что само общественное право дѣлится на общественно-церковное и общественно-земское, мы можемъ въ заключеніе коснуться вопроса о судахъ по дѣламъ семейнымъ. Несомнѣнно, что вопросы объ имуществахъ семьи, какъ вопросы объ имуществахъ общинъ, казны, или государства, подлежатъ вѣдомству общихъ гражданскихъ судовъ, начиная съ волостнаго, мироваго, мѣстнаго и кончая судами окружными и судебными палатами. Имъ же, конечно, должны подлежать дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ, совершаемыхъ членами семьи, и предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ и т. п. Но отношенія личныя между супругами съ одной, и родителями и дѣтьми съ другой стороны, отношенія, въ которыхъ нѣтъ ни проступковъ, ни преступленій, по буквѣ уложенія, а есть только грѣхъ и безнравственность, вообще же столкновеніе во взаимныхъ правахъ супруговъ, родителей и дѣтей, въ такихъ отношеніяхъ судьею можетъ быть только общество и его судебные органы—церковь,

судъ общины, на сходахъ сельскихъ и волостныхъ, и мировые судьи, изрекающіе приговоры по внутреннему убѣжденію и по совѣсти, не какъ чиновники, а какъ люди земства и народа.

Этимъ кончается мой вопросъ и отвѣтъ на него; но изъ моего отвѣта нельзя не сдѣлать послѣдняго вывода относительно построенія всего права, которое, кажется, приходится излагать въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Право гражданское* чисто имущественное съ ученіемъ о договорахъ и частныхъ обязательствахъ,—

2) *Право общественное,* начиная съ семьи, прихода и церкви и кончая земствомъ;

и 3) *Право государственное*, куда должно отнести, кромѣ ученія о правахъ верховной власти и сословій, уголовное право, вѣнчающее собою зданіе законодательства, какъ юридическое обезпеченіе исполненія всѣхъ законовъ страны и народа. Jus tripartitum est.

В. Лешковъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Рѣшеніе 6 Департ. Прав. Сената по дѣлу о Бирскихъ исправникѣ *Васильевѣ*, становомъ приставѣ *Ватлашевѣ*, врачахъ *Неберѣ* и *Яковлевѣ*, преданныхъ суду за истязаніе купца *Д. Т. Севастьянова* *).

1868 года декабря 4 дня. По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло о бывшихъ Бирскихъ: исправникѣ надворномъ совѣтникѣ Петрѣ Васильевѣ, становомъ приставѣ коллежскомъ регистраторѣ Александрѣ Ватлашевѣ, врачахъ уѣздномъ коллежскомъ ассесорѣ Петрѣ Неберѣ и ветеринарномъ коллежскомъ секретарѣ Николаѣ Яковлевѣ, судимыхъ за вымогательство денегъ съ купца Севастьянова и истязаніе его,—представленное Уфимскою Палатою Уголовнаго и Гражданскаго Суда при рапортѣ за № 2985-мъ, вслѣдствіе апелляціонныхъ отзывовъ на ея рѣшеніе подсудимыхъ и истца Севастьянова. Приказали: Уфимская Палата Уголовнаго Суда по разсмотрѣніи настоящаго дѣла рѣшеніемъ, состоявшимся 22 марта (12 апрѣля) 1867 года, между прочимъ опредѣлила: 1) бывшихъ Бирскихъ: уѣзднаго исправника, уволеннаго уже въ отставку, надворнаго совѣтника Петра Михайлова Васильева и удаленнаго отъ должности на время слѣдствія и суда становаго пристава коллежскаго регистратора Александра Александрова Ватлашева за превышеніе власти

---

*) Въ свое время общество было возмущено газетными статьями объ этомъ вопіющемъ дѣлѣ. Нынѣ печатаемъ рѣшеніе Сената, какъ документъ, вполнѣ передающій намъ отвратительныя подробности подвиговъ бирскихъ героевъ.

чрезъ наказаніе купцовъ Севастьянова розгами и Колотова арестомъ, а Ватлашева и за раздачу билетовъ на розыгрышъ въ лотерею лошади безъ дозволенія начальства, лишивъ нѣкоторыхъ особенныхъ, на основаніи 50 ст. Улож., правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ: Васильева на два года, а Ватлашева на одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ.—2) Состоящихъ въ должностяхъ Бирскихъ: уѣзднаго врача титулярнаго совѣтника Петра Николаева Небера и ветеринарнаго коллежскаго секретаря Николая Павлова Яковлева за жестокое наказаніе вмѣстѣ съ Васильевымъ и Ватлашевымъ купца Севастьянова, тоже лишивъ нѣкоторыхъ, по 50 ст. Улож., правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ на восемь мѣсяцевъ. 3) Независимо сего взыскать со всѣхъ ихъ употребленныя по сему дѣлу слѣдователями: чиновникомъ особыхъ порученій при Оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Шмотинымъ и исправляющимъ должность Совѣтника Уфимскаго Губернскаго Правленія Тиханомъ на прогоны и суточное содержаніе деньги, выданныя первому изъ Оренбургскаго, а послѣднему изъ Уфимскаго Губернскихъ Казначействъ, по приведеніи въ извѣстность, по равной части съ каждаго изъ подсудимыхъ, и деньги, по взысканіи, отослать въ казну, о чемъ увѣдомить Казначейства. 4) Жалобу подсудимыхъ на слѣдователя Шмотина оставить безъ послѣдствій, такъ какъ неправильныхъ дѣйствій его при производствѣ слѣдствія не усматривается. Между тѣмъ нынѣ же предписать Уфимскому и Бирскому Уѣзднымъ Полицейскимъ Управленіямъ подсудимыхъ Васильева, Ватлашева, Небера и Яковлева, на основаніи 135 ст. XV т. кн. II, содержать подъ полицейскимъ надзоромъ, впредь до окончанія сего дѣла. По объявленіи сего рѣшенія, согласно 45 ст. Высочайше утвержденнаго 11 октября 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта всѣмъ подсудимымъ и участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, изъ нихъ купецъ Севастьяновъ чрезъ повѣреннаго своего Осинскаго мѣщанина Цигвинцева, и подсудимые Васильевъ, Небера, Ватлашевъ и Яковлевъ, оставшись онымъ не довольны, принесли въ установленный срокъ апелляціонные отзывы; Колотовъ же хотя и изъявилъ въ данной (30 ноября 1867 года) подпискѣ не удовольствіе на вышеизложенное рѣшеніе Уголовной Палаты, но отзыва не подалъ. Въ упомянутыхъ своихъ отзывахъ названныя лица между прочимъ излагаютъ: 1-й, Цигвинцевъ, что Палата не правильно приняла къ уменьшенію вины подсудимыхъ слѣдующія обстоятельства: а) по показанію Сахарникова (въ домѣ котораго совершилось событіе), чиновники не посылали за Севастьяновымъ; но Сахарниковъ говоритъ лишь то, что къ нему приходилъ прикащикъ Севастьянова для узнанія, у него ли

чиновники, а изъ сего слѣдуетъ, что если бы они не приглашали Севастьянова ранѣе, то сему послѣднему не было надобности узнавать о присутствіи чиновниковъ въ домѣ Сахарникова,—притомъ Сахарниковъ не могъ знать того, посылали-ли чиновники за Севастьяновымъ ранѣе своего прихода въ его домъ. б) Севастьяновъ не выводилъ, чтобы его насильственно заставляли играть, а только говоритъ, что сѣлъ играть, удовлетворяя желанію начальства. в) Случай, происшедшій съ Бакинымъ, о коемъ говоритъ только Бакинъ и сами подсудимые, не можетъ служить оправданіемъ дѣйствій чиновниковъ противъ Севастьянова, къ тому же Бакинъ, еще до истязанія Севастьянова, съ нимъ примирился. г) Палата выразилась, что Севастьяновъ оттаскалъ Сахарникова за волосы, но Сахарниковъ говоритъ, что когда онъ вступился за Бакина, то Севастьяновъ хватилъ и его, Сахарникова, и толкнулъ, а это не показываетъ, чтобы Сахарниковъ былъ оттасканъ за волосы. д) Если Палатою упомянуто о ранѣ, оказавшейся на носу исправника, то по дѣлу не доказано, чтобы оная была нанесена Севастьяновымъ, да и самъ исправникъ говоритъ только то, что ударъ чѣмъ-то тяжелымъ послѣдовалъ со стороны Севастьянова, а отсюда съ вѣроятностію можно заключить, что ударъ, Севастьянову предназначенный, попалъ въ исправника. е) Севастьяновъ былъ первый оскорбленъ чиновниками: это видно изъ показанія Васильева, объяснившаго, что при входѣ въ комнату онъ слышалъ, какъ Севастьяновъ говорилъ Ватлашеву, что у него скорѣе не будетъ волосъ на головѣ, чѣмъ онъ осмѣлится съ нимъ что либо сдѣлать. ж) Кто посылалъ за женою Севастьянова, самъ ли онъ, или чиновники это значенія имѣть не можетъ, такъ какъ главнѣйшее обстоятельство заключается въ томъ, что чиновники съ нея требовали деньги. 3) Палата неправильно отнесла требованіе денегъ, доказанное присяжными показаніями, къ вознагражденію за причиненное безчестье, а не къ вымогательству, ибо Севастьяновъ былъ обиженъ первый.—За тѣмъ Цигвинцевъ въ отзывѣ своемъ указываетъ, что Палата, при опредѣленіи наказанія подсудимымъ, не приняла во вниманіе: 1) мученій, позора и посрамленія Севастьянова во время наказанія, когда его заставляли два раза вставать на колѣна и просить прощенія и перестали сѣчь лишь тогда, когда нестало розогъ; 2) удостовѣренія врача Куликовскаго о состояніи здоровья Севастьянова, близкомъ къ умопомѣшательству, и 3) образованія и общественнаго положенія подсудимыхъ. Посему Цигвинцевъ проситъ: отмѣнивъ рѣшеніе Уфимской Палаты Уголовнаго Суда, постановить таковое вновь съ опредѣленіемъ по законамъ послѣдствій сдѣланнаго Севастьяновымъ позора, увѣчья и истязанія изъ видовъ вымо-

гательства денегъ подсудимыми. 2-й. Бывшій Бирскій уѣздный исправникъ надворный совѣтникъ Петръ Васильевъ: 1) что Палата, находя положительно доказаннымъ по дѣлу фактъ наказанія Севастьянова чрезъ полицейскихъ служителей, придала силу совершеннаго доказательства показаніямъ присяжныхъ свидѣтелей: Старцева, Пономарева, Батырева, Файзуллина, Менлигафарова, Смирновой и Жукова, тогда какъ первые шесть человѣкъ приведены были слѣдователемъ къ присягѣ безъ предварительнаго очнаго свода, а послѣдній, крестьянинъ Гордѣй Жуковъ, не смотря на предъявленный противъ него отводъ, оказавшійся впослѣдствіи основательнымъ; 2) Палата упустила изъ виду, что въ показаніяхъ Батырева и Старцева заключается разнорѣчіе, такъ какъ первый показываетъ, что при наказаніи было пять человѣкъ, а Старцевъ—только четверо; равно разнорѣчіе находится въ показаніяхъ Батырева и Пономарева относительно призванія перваго изъ нихъ изъ сѣней въ комнату, гдѣ сѣкли Севастьянова, показаніе крестьянина Гордѣя Жукова о томъ, что, стоя въ сѣняхъ, онъ слышалъ, какъ наказывали Севастьянова, насчитавъ число ударовъ до 160, и за тѣмъ видѣлъ, какъ вели къ лошади стонавшаго и плакавшаго Севастьянова, — является противорѣчивымъ съ показаніемъ депутата Омельяновича и крестьянина Старкова; къ тому же осмотръ комнаты, гдѣ высѣченъ былъ Севастьяновъ, не допускаетъ возможности слышать удары розогъ въ сѣняхъ чрезъ двѣ стѣны и притомъ зимою; кромѣ того Батыревъ говоритъ, что кровь бѣжала и брызгала отъ розогъ, а Смирнова объяснила, что она видѣла кровь на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ Севастьяновъ, и на печкѣ три кровяныхъ брызги, но исполнявшія наказаніе лица вовсе не показали, чтобъ текла кровь и брызгала отъ розогъ, а по осмотру, произведенному слѣдователемъ по требованію самого Севастьянова, такихъ знаковъ не оказалось;—почему всѣ сіи показанія, по силѣ 329 ст. 2 кн. XV т., не могутъ служить совершеннымъ доказательствомъ.—3) Палата не обратила вниманія на то, что исполнителями наказанія были не полицейскіе служители, и крестьянинъ Старцевъ къ таковымъ не принадлежитъ. 4) Неправильно приняты за доказательство свидѣтельство лѣкарскаго ученика Фролова и осмотръ бѣлья Севастьянова, ибо первое въ виду явной важности въ показаніи времени свидѣтельствованія и противорѣчія въ актахъ свидѣтельствованія Севастьянова въ Губернскомъ Правленіи, а послѣдній, какъ произведенный съ нарушеніемъ законныхъ формъ (безъ бытности обвиняемыхъ), доказательствами сочтены быть не могутъ. 5) Лишено законнаго значенія свидѣтельство совѣщательнаго Врачебнаго Присутствія Уфимскаго Губернскаго Правленія, опро-

вергающее выводъ Севастьянова о жестокости сѣченія. 6) Палата не приняла во вниманіе свидѣтельствующихъ въ пользу его, Васильева, и прочихъ обвиняемыхъ показаній: Бирскаго городоваго врача Копылова (показаніе котораго Палатою не вполнѣ приведено), видѣвшаго 11 декабря Севастьянова здоровымъ, жены Сахарникова, мѣщанина Бакина и наконецъ священника Павлова, показаніе котораго о томъ, что ему, Васильеву, разбилъ носъ именно Севастьяновъ и что обвиняемые денегъ не требовали, а напротивъ отъ предложенныхъ женою Севастьянова отказались,—имѣетъ силу совершеннаго доказательства, ибо на него учинена ссылка и истцами и отвѣтчиками, что по 333 ст. 2 кн. XV т. имѣетъ преимущество предъ показаніемъ Хохрякова и Праздникова, свидѣтельствовавшихъ противное.—Наконецъ Палата признаетъ арестъ Колотова произведеннымъ безъ достаточнаго основанія, но Колотовъ своими дерзостями и ругательствами далъ право удалить его именно при содѣйствіи полицейскихъ, въ видахъ предупрежденія большаго скандала. 7) Наказаніе учинено Севастьянову въ домѣ, гдѣ онъ, Васильевъ, былъ случайно, въ гостяхъ, и не чрезъ полицейскихъ служителей, какъ выше о семъ значится, а если оказались въ числѣ исполнителей два полицейскихъ, то показанія ихъ, утратившія характеръ достовѣрности, не должны имѣть силы доказательства, а потому и нельзя признать, что таковый поступокъ учиненъ имъ, Васильевымъ, при отправленіи должности. 8) Палата опредѣлила ему наказаніе въ высшей мѣрѣ, какъ главному лицу, не принявъ во вниманіе какъ того, что Севастьяновъ былъ высѣченъ съ общаго всѣхъ чиновниковъ согласія, такъ и слѣдующихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ: а) учиненія наказанія надъ Севастьяновымъ вслѣдствіе раздраженія, причиненнаго его оскорбленіями, б) согласія самого Севастьянова быть высѣченнымъ и в) сознанія его, Васильева.—За симъ, указывая на то, что вслѣдствіе жалобы Севастьянова, онъ, Васильевъ, оставилъ службу по приказанію Начальника Губерніи, что должно быть признано административнымъ наказаніемъ, Васильевъ проситъ,—отмѣнивъ рѣшеніе Палаты, обсудить поступки его согласно съ обстоятельствами дѣла и съ закономъ, обративъ вниманіе на уменьшающія вину его обстоятельства, не оставить безъ должнаго сужденія клевету, возведенную на него Севастьяновымъ и возложить на него издержки слѣдствія, такъ какъ производство таковаго чрезъ особыхъ чиновниковъ назначено было по поводу жалобъ Севастьянова. 3) Врачъ коллежскій ассессоръ Петръ Небера,—указывая тѣже, какъ и въ жалобѣ Васильева, неправильныя дѣйствія слѣдователя Шмотина, добавилъ, что Шмотинъ противъ трехъ

свидѣтелей съ ихъ стороны употреблялъ принудительныя мѣры содержаніемъ подъ строгимъ арестомъ, не разслѣдовалъ заявленія его, Небера, о подкупѣ свидѣтелей Севастьяновымъ; не привелъ къ присягѣ свидѣтелей Ермова и Сѣнкова; не смотря на заявленіе ихъ, обвиняемыхъ, о томъ, что они довѣряютъ Ватлашеву находиться при очныхъ сводахъ, сей послѣдній былъ приглашенъ лишь быть при приводѣ къ присягѣ свидѣтелей Батырева, Менлизафарова, Пономарева и Фазуллина.—За тѣмъ Небера объясняетъ, что хотя Палата, основываясь на присяжныхъ показаніяхъ и свидѣтельствѣ лѣкарскаго ученика Фролова, признала наказаніе Севастьянова жестокимъ, но таковое обстоятельство нельзя признать доказаннымъ, ибо свидѣтельство Фролова, по которому оказались у Севастьянова на ягодицахъ глубокія раны, противорѣчитъ свидѣтельству, произведенному въ Губернскомъ Правленіи, и осмотру бѣлья, по которому найдены лишь кровяныя пятна, тогда какъ, если признать, что у Севастьянова были раны, бѣлье должно бы быть пропитано кровью. Къ тому же, по 118 и 119 ст. Уст. Врач. XIII т., свидѣтельство Фролова не имѣетъ силы доказательства, а свидѣтельство Губернскаго Правленія, согласно 328 ст. 2 кн. XV т., составляетъ совершенное доказательство.—А хотя Совѣщательное Присутствіе Губернскаго Правленія, признавъ, что „происшедшіе отъ наказанія боевые знаки не угрожаютъ здоровью Севастьянова“, не опредѣлило рода побоевъ, но тѣмъ не менѣе Палата, относя ихъ къ тяжкимъ, за нанесеніе которыхъ назначено наказаніе въ 1533 ст. Улож., поступила неправильно, ибо изъ сопоставленія наказаній, опредѣляемыхъ 1533 ст. и 1464 ст. Улож., слѣдуетъ заключить, что законъ подъ тяжкими побоями разумѣетъ тѣ, которые производятъ значительное разстройство въ организмѣ, но побои, нанесенные Севастьянову, нельзя признать таковыми, такъ какъ значительныхъ поврежденій въ организмѣ Севастьянова не было, что доказывается свидѣтельствованіемъ Губернскаго Правленія, отзывомъ врача Копылова и разъѣздами Севастьянова вскорѣ послѣ наказанія. Во всякомъ случаѣ основательное мнѣніе о семъ предметѣ можетъ быть высказано только врачами, мнѣніе же Палаты некомпетентно.—Далѣе Небера, указывая на то, что Палата не обратила вниманія на показанія свидѣтелей, выше въ жалобѣ Васильева указанныхъ, на уменьшающія вину его обстоятельства, именно: причины, вызвавшія наказаніе Севастьянова, добровольное его, Небера, сознаніе, что оставила безъ обсужденія клевету Севастьянова и Колотова и не правильно наложила на него взысканіе издержекъ слѣдствія—на основаніи всего вышеизложеннаго Небера находитъ рѣшеніе Палаты не согласнымъ съ 304 310 и 311 ст. ст. 2 кн. XV т. 4) Быв-

шій становой приставъ коллежскій регистраторъ Александръ Ватлашевъ и ветеринарный врачъ коллежскій секретарь Николай Яковлевъ въ отзывахъ своихъ относительно неправильности слѣдствія и упущенія Палатою изъ виду при опредѣленіи наказанія уменьшающихъ вину обстоятельствъ объяснили въ существѣ согласно съ Васильевымъ и Небера, при чемъ Ватлашевъ представилъ удостовѣреніе становаго пристава 3 стана Бирскаго уѣзда, что свидѣтели крестьянинъ Старцевъ сотскимъ не былъ, а Батыревъ и Фазуллинъ (спрошенные при слѣдствіи за присягою) имъ, Ватлашевымъ, были штрафованы; Яковлевъ же объяснилъ, что, согласно свидѣтельствованію Губернскаго Правленія, побои, нанесенные Севастьянову, слѣдуетъ отнести къ личнымъ обидамъ, предусмотрѣннымъ 2086 ст. XV т. 1 части. Наконецъ Ватлашевъ, упомянувъ о неправильномъ наложеніи издержекъ слѣдствія, указалъ, что Палата при обвиненіи его въ составленіи лотереи не обратила вниманія на показанія Циренникова и Подувалова.—Разсмотрѣвъ, вслѣдствіе сихъ отзывовъ, обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ *находитъ*: 12 декабря 1865 г. Бирскій 2-й гильдіи купецъ Дмитрій Севастьяновъ въ прошеніи, поданномъ (въ г. Уфѣ) Начальнику Уфимской губерніи, принесъ жалобу на Бирскаго исправника Васильева, становаго пристава 3 стана Ватлашева и врачей уѣзднаго Небера и ветеринарнаго Яковлева, въ которой объяснилъ: 8 декабря исправникъ Васильевъ и становой приставъ Ватлашевъ прибыли на ярмарку въ село Березовку, гдѣ онъ, Севастьяновъ, имѣетъ жительство. Зная его за человѣка богатаго, они, вѣроятно съ цѣлію попользоваться отъ него деньгами, рѣшились на слѣдующее: Ватлашевъ пріѣхалъ къ нему, упросилъ его взять нѣсколько лотерейныхъ билетовъ на розыгрываемую имъ лошадь, а часовъ въ 8-мъ вечера исправникъ Васильевъ прислалъ за нимъ, Севастьяновымъ, пригласивъ его въ домъ Сахарникова,—подъ предлогомъ розыгрыванія лотереи. По приходѣ (вмѣстѣ съ его, Севастьяновымъ, двоюроднымъ братомъ Колотовымъ) въ домъ Сахарникова, гдѣ сидѣли за столомъ, играли въ карты и попивали вино и водку исправникъ Васильевъ, ветеринарный и уѣздный врачи, хозяинъ дома Сахарниковъ, зять его крестьянинъ Кондюринъ, Сарапульскій мѣщанинъ Бакинъ и становой приставъ Ватлашевъ,—исправникъ Васильевъ усадилъ его рядомъ съ собой за игру и, сказавши, что онъ выбранъ въ члены клуба, просилъ съ него 10 руб. членскаго взноса и потомъ взялъ съ него, Севастьянова, еще 15 руб. на наемъ будто-бы музыкантовъ.—Потомъ Васильевъ, жалуясь, что бывшій въ числѣ гостей мѣщанинъ Бакинъ обыгралъ его, предложилъ ему, Севастьянову, послать къ нему

въ домъ за коньякомъ и лимонадомъ, что и было исполнено. Исправникъ Васильевъ сталъ угощать съ извѣстною ему цѣлію Бавина, который, напившись, началъ дѣлать различныя дерзости. Тогда онъ, Севастьяновъ, вышелъ въ другую комнату, а Бакинъ, вставая съ дивана, упалъ на ручку и прошибъ себѣ голову. исправникъ Васильевъ, видя прекращеніе игры, лишавшее его возможности возвратить проигрышъ, крайне оскорбился. Между тѣмъ за другимъ столомъ произошелъ также шумъ, который исправникъ Васильевъ окончилъ тѣмъ, что отобралъ отъ игравшаго тамъ Колотова деньги, а самого Колотова отправилъ въ арестантскую баню. Видя это, онъ, Севастьяновъ, выразилъ опасеніе, что и съ нимъ можетъ быть тоже. Такія его слова исправникомъ Васильевымъ, становымъ приставомъ Ватлашевымъ и врачами были приняты за оскорбленіе, и послѣдніе стали бить его по щекамъ, а первые объявили, что накажутъ его розгами. За тѣмъ послали за женой его, Севастьянова, которой, по приходѣ ея, исправникъ объявилъ, что если она дастъ ему 10 т. руб., то онъ, Севастьяновъ, не будетъ наказанъ. Но какъ жена его денегъ не дала, то, не смотря на его и ея просьбы и увѣщанія пришедшаго по приглашенію жены священника села Березовки, Васильевъ выслалъ всѣхъ изъ комнаты и, оставшись съ Ватлашевымъ, врачами и казаками, велѣлъ его, Севастьянова, раздѣть и наказалъ розгами болѣе 200 ударовъ.— Отъ каковаго истязанія онъ долгое время былъ въ безпамятствѣ и отвезенъ домой женой, прикащикомъ Босовымъ и работникомъ Коночкинымъ (Старковымъ).—Съ своей стороны и Колотовъ въ февралѣ 1866 г. тоже принесъ жалобу Оренбургскому генералъ-губернатору, въ коей происходившее 8 декабря у Сахарникова объяснилъ согласно Севастьянову и добавилъ, что исправникъ Васильевъ, подойдя къ столу, за которымъ онъ, Колотовъ, игралъ съ врачами, схватилъ лежавшіе 18 руб., принадлежащіе ему, Колотову, и заставлялъ съ собой играть. Когда же онъ, Колотовъ, отъ сего отказался, то Ватлашевъ ему объявилъ, что онъ арестованъ и что его отправятъ въ Бирскъ въ оковахъ.—Потомъ Ватлашевъ, уведя его въ другую комнату, требовалъ за освобожденіе 500 руб., онъ, Колотовъ, согласился, но уѣздный врачъ сказалъ, что мало, и потому потребованы были въ комнату оковы, которыя принесъ помощникъ старосты.—Послѣ сего онъ написалъ заявленіе о причиненномъ ему насиліи и, попросивши подписать оное священника, положилъ въ бумажникъ, который отдалъ священнику.—Сей послѣдній пересчиталъ находившіеся въ немъ деньги, коихъ оказалось 362 руб., бывшіе же во время игры на столѣ 138 руб. неизвѣстно кѣмъ были похищены. Деньги и бумажникъ были переданы свя-

щенникомъ сельскому старостѣ, который и возвратилъ ихъ на другой день по освобожденіи изъ подъ ареста.—Противъ сего бывшій Бирскій уѣздный исправникъ, надворный совѣтникъ Петръ Васильевъ при слѣдствіи объяснилъ, что 8 декабря, онъ вмѣстѣ съ становымъ приставомъ Ватлашевымъ и врачами Небера и Яковлевымъ зашелъ въ гости къ купцу Сахарникову, гдѣ и сѣлъ играть въ карты. За Севастьяновымъ онъ Васильевъ, не посылалъ, а Севастьяновъ пришелъ самъ и изъявилъ желаніе участвовать въ игрѣ, въ которую и былъ принятъ.—Во время игры Севастьяновъ просилъ его, Васильева, записать его въ члены Бирскаго клуба и вслѣдствіе сего далъ ему плату за право быть членомъ 10 руб. и на музыку 5 руб. (каковыя деньги онъ, Васильевъ, отослалъ по принадлежности, въ доказательство чего представилъ квитанцію клуба). Во время игры былъ принесенъ коньякъ по приказанію Севастьянова, который и угощалъ имъ всѣхъ.—Послѣ двухъ часовъ игры онъ, Васильевъ, вышелъ въ сѣни, чтобы узнать, не явился-ли его человѣкъ, и когда вернулся въ комнату, то ему сказали, что Севастьяновъ расшибъ Бакину (бывшему въ числѣ гостей у Сахарникова) голову бутылкою лимонада. Во время разбора этого обстоятельства Севастьяновъ обратился съ мировою къ Бакину, онъ же, Васильевъ, прошелъ въ другую комнату, гдѣ играли Колотовъ и Яковлевъ, и, подойдя къ столу, взялъ лежавшіе на ономъ 18 руб. (принадлежавшіе Яковлеву), давая понять этимъ, что играть болѣе не слѣдуетъ, Колотову же играть съ собой не предлагалъ.—Между тѣмъ въ другой комнатѣ завязался споръ и онъ, Васильевъ, войдя въ оную, слышалъ, какъ Севастьяновъ говорилъ Ватлашеву, что у него скорѣе не будетъ волосъ на головѣ, чѣмъ онъ осмѣлится съ нимъ что либо сдѣлать, что у него денегъ много, что онъ дойдетъ до Валуева и потому знать никого не хочетъ. Онъ, Васильевъ, замѣтилъ Севастьянову, чтобы онъ велъ себя осторожнѣе, на что сей послѣдній отвѣтилъ: „были исправники до васъ, да ихъ я не боялся, велъ съ ними дружбу, кормилъ ихъ, и что вамъ со мной ссориться опасно“.—Будучи этимъ оскорбленъ, онъ, Васильевъ, вышелъ въ другую комнату и сѣлъ тамъ на диванѣ, туда вскорѣ пришелъ Севастьяновъ и сѣлъ также на диванъ. За Севастьяновымъ вошли Небера и Яковлевъ, которые крупно разговаривали, но о чемъ—онъ, Васильевъ, не вслушался, а только слышалъ, что Севастьяновъ сказалъ Яковлеву: „вы взяточникъ“ и за тѣмъ продолжалъ оскорблять ихъ, говоря, что „ему стоитъ только дунуть, и духу вашего не будетъ“.—Вскорѣ по направленію Севастьянова онъ, Васильевъ, получилъ ударъ по носу очень сильный чѣмъ-то тяжелымъ. По свидѣтельству врача Абдіева—

у Васильева оказалась на носу ушибенная поперечная на срединѣ носа рана въ два дюйма, которая нанесена вѣроятно тупымъ орудіемъ. Будучи оскорблены вышеизложенными поступками Севастьянова, они, чиновники, выразили желаніе его высѣчь.—Услыхавши о семъ, Колотовъ началъ кричать и шумѣть, давая чувствовать силу денегъ Севастьянова, при этомъ сказалъ имъ, что если они только рѣшатся высѣчь Севастьянова, то у нихъ не останется цѣлыхъ реберъ. Заключивши, что Колотовъ пьянъ, становой приставъ Ватлашевъ, по общему всѣхъ совѣту, хотѣлъ отослать его въ становую квартиру, но Колотовъ объявилъ, что у него есть деньги, которыя онъ передалъ только сельскому старостѣ и понятымъ, для чего послѣдніе и были призваны. Денегъ съ Колотова никто не требовалъ и приказанія ковать въ кандалы онъ, Васильевъ, не давалъ. Севастьянова же дѣйствительно высѣкли по общему всѣхъ ихъ, Васильева, Небера, Яковлева и Ватлашева, согласію, рѣшившись на это вслѣдствіе того, что Севастьяновъ, вмѣсто извиненія, продолжалъ оскорблять ихъ и ругалъ при старостѣ и другихъ грабителями. Севастьяновъ, услышавши это, просилъ бить его какъ угодно, только не розгами, предлагая взять съ него сколько угодно денегъ, но потомъ легъ самъ. Они истязаній ему не дѣлали и врачъ Небера по лицу его не билъ; дали ему не болѣе 40 ударовъ, послѣ чего Севастьяновъ въ безпамятствѣ не былъ, а всталъ самъ и, сказавши „виноватъ", поцѣловался съ ними. За женой Севастьянова не посылали, а она пришла сама и просила простить ея мужа, предлагая за это денегъ—сколько угодно, но они не согласились.—Одинаково съ Васильевымъ показали и прочіе подсудимые, при чемъ всѣ трое, Небера, Яковлевъ и Ватлашевъ дополнили, что Севастьяновъ дѣйствительно расшибъ голову Бакину бутылкою, а Небера и Яковлевъ (не сознаваясь въ нанесеніи ударовъ по лицу Севастьянову)—что Севастьяновъ, замахнувшись на Яковлева, ударилъ исправника Васильева. Спрошенные при слѣдствіи Севастьяновъ и Колотовъ прошенія свои утвердили, при чемъ первый добавилъ, что онъ добровольно подъ наказаніе не ложился, а былъ поваленъ на полъ какимъ-то унтеръ-офицеромъ (Шелованов, бывшій въ числѣ наказывавшихъ Севастьянова).—Послѣ наказанія, когда онъ, Севастьяновъ, пришелъ въ чувство, то Васильевъ и Небера заставили поцѣловать ихъ и прочихъ чиновниковъ. Жена Севастьянова и прикащикъ его Босовъ вполнѣ подтвердили его показаніе, при чемъ первая объяснила, что Васильевъ за избавленіе отъ наказанія требовалъ съ нея 40 т. а потомъ 10 т. руб. Послѣ наказанія она вмѣстѣ съ Босовымъ (что послѣдній то же подтвердилъ) подняли мужа ея съ пола и, давъ ему воды, при-

вели въ чувство. Спрошенные по дѣлу лица объяснили: купецъ Иванъ Сахарниковъ, что Севастьяновъ пришелъ къ нему самъ, предварительно прислав своего служителя Кочкина узнать, кто у него, Сахарникова, въ гостяхъ, и можетъ-ли онъ прійти,—(что подтвердили и Севастьяновъ съ Кочкинымъ, добавивши, что прежде сего исправникъ присылалъ какого-то десятскаго). Севастьяновъ игралъ съ нимъ, Сахарниковымъ, Бакинымъ и исправникомъ. Во время игры Севастьяновъ заспорилъ съ Бакинымъ, котораго началъ таскать за волосы; когда же онъ, Сахарниковъ, вступился, то Севастьяновъ и его схватилъ за волосы и оттолкнулъ. Послѣ сего онъ, Сахарниковъ, ушелъ въ кухню и легъ спать; проснувшись—онъ услыхалъ крикъ въ гостинной, пошелъ туда, но не былъ впущенъ; потомъ слышалъ, какъ кричалъ Севастьяновъ, и удары розогъ. Обо всемъ же прочемъ Сахарниковъ отозвался незнаніемъ. Зять Сахарникова, крестьянинъ Гавріилъ Кондюринъ, объяснилъ, что во время игры дѣйствительно Севастьяновъ, заспоривъ съ Бакинымъ, таскалъ его за волосы, но, билъ-ли по головѣ бутылкою, не знаетъ;—при чемъ Кондюринъ присовокупилъ, что видѣлъ у Бакина разбитую голову, а у исправника носъ; но о прочихъ обстоятельствахъ отозвался незнаніемъ. Мѣщанинъ Иванъ Бакинъ подтвердилъ, что во время игры Севастьяновъ, при разговорѣ о числѣ взятыхъ по игрѣ взятокъ, схватилъ его за волосы и ударилъ по головѣ бутылкою. (По свидѣтельству Слѣдователя Тихона у Бакина найденъ на головѣ струпъ отъ раздвоившейся раны длиною и шириною не много менѣе полувершка). За тѣмъ Бакинъ въ своемъ показаніи дополнилъ, что Севастьяновъ согласился быть высѣченнымъ и легъ самъ. Жена Сахарникова, Елена Сахарникова, относительно прихода къ нимъ Севастьянова, подтвердила показаніе своего мужа, при чемъ добавила, что видѣла у исправника разбитый носъ, а Бакина съ завязанной головой, но кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ это сдѣлано,—она не знаетъ. За женою Севастьянова она ѣздила сама по его просьбѣ. Жена Севастьянова просила Васильева избавить мужа ея отъ наказанія, но предлагала-ли денегъ и просили-ли таковыхъ чиновникови,—не слыхала, а лишь слышала, что чиновники сказали Севастьянову, что имъ „милліонъ вашъ не нуженъ“; но къ чему относились эти слова—не знаетъ. Какъ происходило наказаніе Севастьянова, который былъ наказанъ чрезъ казака Васильева, служителя Ватлашева и какого-то крестьянина,—она тоже не знаетъ; когда же кончили наказаніе и она вошла въ залу, то въ это время Севастьяновъ сказалъ чиновникамъ: „господа, этимъ и кончимъ“. — Севастьяновъ пошелъ самъ, и его никто не поддерживалъ, что подтвердилъ безъ,

присяги и работникъ Севастьянова, Старковъ. Къ сему Сахарникова и дочь ея Кондюрина объяснили, что врачъ Яковлевъ (по окончаніи уже игры) ударилъ въ кабинетѣ по лицу Севастьянова. На другой день утромъ она, Сахарникова, видѣла на полу кровь на томъ мѣстѣ, гдѣ наказывали Севастьянова.—Священникъ Березовской церкви Алексѣй Павловъ на запросъ слѣдователя отвѣчалъ, что по приходѣ его въ домъ Сахарникова Бакинъ и Васильевъ показали ему свои раны и заявили, что онѣ нанесены имъ Севастьяновымъ, что бы чиновники требовали съ Севастьянова деньги за избавленіе отъ наказанія, онъ не слыхалъ, а напротивъ жена Севастьянова долго просила исправника взять деньги, но тотъ сказалъ ей, что не возметъ съ нея и 20.000 руб. за каждый часъ своей службы, а одинъ изъ докторовъ сказалъ: „мы, матушка, не возьмемъ съ тебя и полмилліона, наша жизнь и честь дороже денегъ".—О намѣреніи чиновниковъ высѣчь Севастьянова ему, Павлову, извѣстно не было, ибо они сказали ему, что отправятъ Севастьянова въ Бирскъ. Чиновники были кротки и вѣжливы и хладнокровно переносили ругательства Колотова, который называлъ ихъ мошенниками, грабителями и взяточниками. Ко всему этому священникъ Павловъ добавилъ, что онъ, пересчитавъ деньги Колотова, передалъ ихъ старшинѣ Хохрякову. Въ объявленіи, которое писалъ Колотовъ, было сказано, что чиновники, зазвавъ его играть въ непзвѣстную игру, частію обыграли, частію обокрали, такъ что изъ 5 т. руб. осталось только 362 руб. (заявленія этого при дѣлѣ не находится).—Мѣщанинъ Михаилъ Сѣлковъ, пракащикъ купца Кондюрина, нанимавшаго лавку въ домѣ Сахарникова, объяснилъ безъ присяги, но съ предвареніемъ объ оной, что послѣ ссоры Севастьянова съ Бакинымъ онъ, по приказанію становаго пристава, ходилъ сначала за сотскими на квартиру становаго пристава; а потомъ, по приказанію чиновниковъ, за священникомъ Павловымъ. Сотскій Федоръ Ершовъ показалъ, что за нимъ приходилъ переводчикъ становаго пристава (Мендіевъ) и увелъ ихъ, полицейскихъ, человѣкъ 8-мъ. Въ залѣ сидѣлъ Колотовъ и, считая при сельскомъ старостѣ и священникѣ деньги, говорилъ становому приставу и исправнику: „на те, грабьте, грабьте, пересчитайте". Послѣ сего Колотовъ писалъ объявленіе и громко говорилъ, что его обираютъ. Севастьяновъ же подумалъ, что писарь, сельскій староста Хохряковъ и кандидатъ старосты Праздниковъ подъ присягою показали: Хохряковъ, что поздно ночью по требованію становаго пристава онъ пришелъ въ домъ Сахарникова. Бакинъ показалъ ему разсѣченную голову и сказалъ, что это сдѣлалъ Севастьяновъ, съ которымъ онъ, Бакинъ, впрочемъ помирился. Колотовъ же, обра-

тившись къ нему, Хохрякову, сказалъ, что его ограбилъ становой приставъ. Послѣ того, по приходѣ священника, пересчитали бывшія у Колотова деньги, которыхъ оказалось 362 руб. и отдали ему, Хохрякову. Становой приставъ велѣлъ отвести Колотова въ баню, но передъ тѣмъ велѣлъ принести желѣза, чтобы сковать Колотова, каковыя и были принесены, но Колотовъ закованъ не былъ.—При немъ, Хохряковѣ, пріѣхала жена Севастьянова, которая просила исправника покончить какое то дѣло, а онъ просилъ съ нея 40 т. руб. Праздниковъ подтвердилъ показаніе Хохрякова какъ относительно отобранія денегъ и ареста Колотова, такъ и требованія исправника съ жены Севастьянова денегъ, объяснивши, что жена Севастьянова и прикащикъ его Босовъ упрашивали исправника помиловать Севастьянова, при чемъ становились на колѣна. Жена Севастьянова, стоя на колѣняхъ, просила за мужа, предлагала какое-то количество денегъ, но исправникъ отвѣчалъ: „менѣе 40 т. не возьму". Спрошенные по указанію обвиняемыхъ лица, наказывавшія Севастьянова, а именно: отставной унтеръ-офицеръ Шелововановъ, казакъ Ягумбай Киргисбаевъ (служившіе у Васильева) и башкиръ Мендіевъ (служившій у Ватлашева) первоначально на допросѣ показали: первый, Шелововановъ, что, бывши въ прихожей, онъ слышалъ, что Севастьяновъ и жена его просили чиновниковъ простить и не наказывать его, Севастьянова, и предлагали денегъ, но чиновники отказались и приказали подать розогъ. Тогда какой-то крестьянинъ принесъ метлу, изъ которой онъ, Шелововановъ, надѣлалъ четыре пучка и вмѣстѣ съ Мендіевымъ, Киргизбаевымъ и тѣмъ крестьяниномъ вошли въ залъ, гдѣ Севастьяновъ лежалъ уже на полу. По приказанію чиновниковъ они, Шелововановъ и Мендіевъ, сѣкли, а тѣ двое держали. Севастьянову дали не болѣе 40 ударовъ, и по окончаніи онъ всталъ и просилъ чиновниковъ ни кому о томъ не говорить, даже поцѣловался съ ними. Согласно съ Шелововановымъ показали Мендіевъ и Киргизбаевъ. Крестьянинъ же Старцевъ, спрошенный подъ присягой, но безъ соблюденія формъ и обрядовъ, показалъ, что прикащикъ Сахарникова по приказанію становаго пристава позвалъ ихъ, полицейскихъ, въ домъ хозяина своего; онъ же, Старцевъ, былъ на Никольской ярмаркѣ 1865 г. (въ Березовкѣ) по наряду становаго пристава; за тѣмъ, послѣ арестованія Колотова, онъ ушелъ домой съ Хохряковымъ; но былъ опять позванъ въ домъ Сахарникова Мендіевымъ. Въ кухнѣ дома Сахарникова онъ, Старцевъ, вмѣстѣ съ Шелововановымъ, Мендіевымъ и Киргизбаевымъ сдѣлали изъ принесенныхъ работникомъ Сахарникова березовыхъ прутьевъ штукъ десять пучковъ розогъ длиною четвертей пять; это видѣла и кухарка

Сахарникова (Маремьяна Смирнова, которая это и подтвердила подъ присягой, выполненной безъ соблюденія установленныхъ обрядовъ). Когда они съ розгами пришли на верхъ, то чиновники, не смотря на просьбы жены Севастьянова, велѣли ему раздѣться и лечь. Сѣкли Севастьянова съ одной стороны Мендіевъ, а съ другой Шелованновъ; онъ, Старцевъ, держалъ за руки, а казакъ Киргизбаевъ за ноги. Севастьяновъ подъ розгами сильно бился и старался вырваться, но ему не давали, съ перваго же удара проступила кровь и къ концу наказанія вся спина была кровяная. Во время наказанія розги нѣсколько разъ мѣняли, и когда пучки были всѣ издерганы, то сѣкли комлями. Онъ, Старцевъ, насчиталъ до 150 ударовъ, а потомъ, испугавшись, далѣе не считалъ. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ исправникъ велѣлъ встать Севастьянову на колѣна и спрашивалъ его: „извиняешься ли ты?“ тотъ отвѣчалъ: „извиняюсь, и простите меня!“ Но исправникъ приказалъ снова ложиться и сѣчь, потомъ повторилъ это же еще разъ. Десятскій Шакиръ Батыревъ подъ присягой, безъ предварительнаго очнаго свода, показалъ, что, когда начали сѣчь Севастьянова, онъ стоялъ въ сѣняхъ и насчиталъ ударовъ до 30. Въ это время позвали десятскихъ, и когда онъ вошелъ въ комнату, то ему кто-то сказалъ: „держи ноги“, что онъ вмѣстѣ съ сотскимъ Менглигафаровымъ и сдѣлалъ. За руки же держали двое: русскій крестьянинъ и казакъ (Киргизбаевъ). Во время сѣченія Севастьяновъ старался вывернуться, но его держали крѣпко. Два раза, по приказанію исправника, Севастьяновъ становился на колѣна (при чемъ ногъ его изъ рукъ не выпускали) и просилъ прощенія. Севастьянову дали ударовъ 200, кровь бѣжала и брызгала отъ розогъ; къ концу наказанія онъ издавалъ только хриплые звуки. По окончаніи сѣченія Севастьяновъ при помощи жены и, упираясь на полъ одною рукою, съ оханьемъ всталъ. Сотскій Менглигафаровъ, подъ присягой, безъ предварительнаго очнаго свода, сначала отозвался незнаніемъ, но потомъ на очной ставкѣ съ Батыревымъ сознался, что держалъ Севастьянова за ногу, что ему дѣйствительно дано было около 200 ударовъ, но о подробностяхъ наказанія отозвался запамятованіемъ по причинѣ сильнаго испуга. На очной ставкѣ съ сими послѣдними свидѣтелями Шелованновъ отозвался, что были ли они, не замѣтилъ, но показанія ихъ не отвергаетъ; противъ же уликъ Старцева Шелованновъ согласился, что пучки розогъ вязали въ кухнѣ. А на передопросѣ Шелованновъ показалъ, что Севастьянова велѣли сѣчь больно, не щадить, дано ему было ударовъ до 130, а можетъ быть и болѣе. Киргизбаевъ же и Мендіевъ на передопросѣ объяснили, что ударовъ не считали, при чемъ первый дополнилъ,

что дѣйствительно ли дано 40—утвердить не можетъ. Десятскій Кириллъ Пономаревъ, подъ присягой, безъ соблюденія формъ, показалъ, что изъ верхнихъ сѣней слышалъ, что Севастьянову дали ударовъ 150, но потомъ онъ, Пономаревъ, испугавшись, ушелъ. Крестьянинъ Гордѣй Жуковъ, за присягой, утвердилъ показаніе Пономарева, добавивъ, что изъ верхнихъ сѣней онъ ушелъ внизъ, гдѣ, дождавшись окончанія наказанія Севастьянова, видѣлъ, какъ его, плакавшаго и стонавшаго, провели къ лошади. Бывшій удѣльный депутатъ Омельяновичъ отозвался, что жена Севастьянова приходила къ нему и просила отправиться въ домъ Сахарникова уговорить исправника Васильева не наказывать ея мужа. Онъ, Омельяновичъ, отправился, пройдя во второй этажъ, въ дверяхъ встрѣтился съ Ватлашевымъ, который ему сказалъ: „не ваше дѣло, уйдите“ и заперъ дверь (что Ватлашевъ подтвердилъ). Шума никакого онъ, Омельяновичъ, въ это время не слыхалъ. Тогда онъ, Омельяновичъ, уговорилъ жену Севастьянова уйти, на что она и согласилась, но отойдя нѣсколько отъ дома, она бросилась назадъ съ крикомъ: „сѣкутъ.“ Проходя мимо дома, онъ, Омельяновичъ, не слыхалъ ни крика, ни шума. Кромѣ сего въ настоящее дѣло вошли слѣдующія данныя: а) по свидѣтельствованію Севастьянова въ совѣщательномъ Врачебномъ Присутствіи Уфимскаго Губернскаго Правленія, произведенному 13 декабря, оказалось: на ягодицахъ многія полосы, имѣющія поперечное направленіе и оканчивающіяся спереди почти у дѣторадныхъ частей; полосы сіи, слившись на ягодицахъ, образовали сплошныя, довольно обширныя багровыя пятна, выражающія подкожный подтекъ крови; изъ нихъ на правой ягодицѣ подтекъ гораздо выразительнѣе; на бокахъ полосы покрыты струпьями отъ засохшей крови; въ верхней части спины чувствуетъ Севастьяновъ сильную боль при дотрогиваніи безъ измѣненія въ цвѣтѣ сихъ частей. Изъ совокупности сихъ признаковъ члены присутствія заключили, что Севастьяновъ подвергся наказанію розгами и что состояніе боевыхъ знаковъ совпадаетъ съ временемъ сего происшествія, случившагося не болѣе 5 дней, и что, наконецъ, сіи боевые знаки не угрожаютъ ни въ чемъ здоровью Севастьянова. б) Севастьяновъ при слѣдствіи представилъ къ дѣлу свидѣтельство лѣкарскаго ученика Фролова отъ 9 декабря, изъ коего видно, что при наружномъ осмотрѣ увѣчья оказалось на обѣихъ ягодицахъ и поясницѣ многія и глубокія поперечныя полосы, оканчивающіяся спереди у самыхъ дѣторадныхъ частей; полосы сіи слившись въ одну кровавую массу, отъ которой едва могли отнять окровавленныя и припекшіяся къ тѣлу его портки; при усиленномъ снятіи ихъ изъ глубокихъ ранъ кровотеченіе изъ нихъ повторилось; отъ

этихъ же глубокихъ ранъ, по снятіи портковъ, остались на оныхъ большія струпья отъ запекшейся крови; самый же верхъ портковъ и нижняя оконечность рубашки весьма окровавленныя. На крыльцахъ, по линіи къ шеѣ, видны были синебагровыя пятна. Изъ всѣхъ признаковъ сихъ Фроловъ заключилъ, что Севастьяновъ подвергся жестокому наказанію розгами; по поданіи же надлежащей медицинской помощи большой опасности къ выздоровленію его не имѣлось. При спросѣ же Фроловъ объяснилъ, что онъ къ Севастьянову былъ приглашенъ на другой день по пріѣздѣ Севастьянова въ Катбарскій заводъ (т.-е. 10 декабря), а свидѣтельство писалъ по возвращеніи Севастьянова изъ Уфы; составлялъ это свидѣтельство, хорошо помня первоначальный осмотръ; о кровотеченіи и сниманіи портковъ писалъ со словъ Севастьянова и его жены; а какъ эти вещи видѣлъ 9 декабря, то включилъ о семъ въ свидѣтельство. в) Вслѣдствіе заявленія жены Севастьянова о вліяніи на умственныя способности Севастьянова отъ понесеннаго имъ наказанія, затребованы были свѣдѣнія отъ лѣчившаго Севастьянова врача Кругликовскаго, который отозвался, что въ бытность его у Севастьянова 24 декабря онъ изъ разговоровъ съ нимъ, Севастьяновымъ, замѣтилъ, что онъ сильно взволнованъ, разсказывая о причиненной ему обидѣ, до того приходилъ въ волненіе, что похожъ былъ на человѣка, съ которымъ случилось одно предметное помѣшательство (monomania). г) Изъ свѣдѣній Бирскаго городоваго врача видно, что, придя (въ бытность Севастьянова въ Бирскѣ) къ нему вечеромъ (11 декабря), онъ увидалъ его расхаживающимъ по комнатѣ и на просьбу его освидѣтельствовать заявилъ ему, что при огнѣ точнаго свидѣтельствованія произвести нельзя и что свидѣтельство его, за силою 118 и 119 стт. XIII т. (Уст. Врач.), не будетъ имѣть законной силы. И наконецъ д) по осмотру бѣлья Севастьянова, произведенному безъ бытности обвиняемыхъ, оказалось: на задней части рубашки съ изнанки кровяныхъ крапинъ величиною отъ горошины до обыкновеннаго орѣха 21, на задней части подштанниковъ, также съ изнанки, 29 крапинъ, и на передней ихъ части съ правой стороны кровяное пятно въ небольшой простой орѣхъ съ тремя около него мелкими кровяными пятнами, прошедшее съ наружной стороны на внутреннюю; подштанники въ верхней ихъ части въ разныхъ мѣстахъ измараны, равно и ошкуръ съ изнанки также помаранъ кровью. Сообразивъ все вышеизложенное, Правительствующій Сенатъ находитъ, что за сдѣланнымъ подсудимыми сознаніемъ, удовлетворяющимъ требованіямъ 317 ст. 2 кн. XV т. Зак. Суд. Угол., какъ въ высѣченіи розгами купца Севастьянова, такъ и въ арестованіи купца Колотова остается лишь опредѣ-

лить свойство содѣяннаго преступленія, степень вины подсудимыхъ и мѣру слѣдующаго имъ наказанія, а для сего надлежитъ разсмотрѣть во 1) совершая преступленіе, дѣйствовали ли Васильевъ и Ватлашевъ какъ лица должностныя, во 2) было ли жестокимъ понесенное Севастьянову—сѣченіе, и къ какому роду дѣйствій оно должно быть отнесено, и въ 3) въ какой мѣрѣ справедливы выводы Севастьянова и Колотова о требованіи денегъ за избавленіе перваго отъ сѣченія розгами, а втораго отъ ареста? Для разрѣшенія перваго вопроса обстоятельства дѣла показываютъ: а) что Васильевъ и Ватлашевъ, арестуя Колотова при помощи десятскихъ и сотскихъ, дѣйствовали какъ чиновники полиціи; б) самое сѣченіе Севастьянова происходило при участіи сотскаго Минглигафарова и десятскаго Шакира Батырева. Кромѣ сего въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ семъ, находился крестьянинъ Старцевъ, который хотя въ то время и незанималъ должности сотскаго, какъ это видно изъ представленнаго Ватлашевымъ при его отзывѣ свѣдѣнія пристава 3 стана Бирскаго уѣзда, но по собственному его, Старцева, показанію былъ на ярмаркѣ по наряду становаго пристава; каковое обстоятельство подсудимыми не опровергнуто. За тѣмъ подсудимые Васильевъ и Небера хотя и указываютъ въ отзывахъ своихъ на разнорѣчіе въ показаніяхъ Старцева и Батырева относительно числа лицъ, бывшихъ при сѣченіи Севастьянова (Старцевъ въ своемъ показаніи не упоминаетъ о присутствіи Батырева и Минглигафарова а Васильевъ кромѣ сего сослался на показаніе жены Сахарникова), но таковыя указанія апелляторовъ въ виду 1) какъ недоказанности подсудимыми того, чтобы Батыревъ и Минглигафаровъ не находились при сѣченіи Севастьянова и не принимали въ томъ участія, какъ это они объяснили въ показаніяхъ своихъ, такъ и согласія показаній Батырева и Старцева о фактѣ сѣченія, а равно и показанія унтеръ-офицера Шелованова, который, на очной ставкѣ съ Батыревымъ и Минглигафаровымъ, не отрицая ихъ присутствія во время сѣченія Севастьянова, отозвался лишь, что онъ ихъ не замѣтилъ, и 2) того обстоятельства, что Сахарникова свидѣтельницей сѣченія не была, отзываясь о семъ незнаніемъ,—не могутъ быть признаваемы имѣющими какое либо существенное значеніе. При таковыхъ данныхъ Правительствующій Сенатъ приходитъ къ тому заключенію, что подсудимые, бывшіе исправникъ Васильевъ и становой приставъ Ватлашевъ, при совершеніи означеннаго выше преступленія дѣйствовали какъ лица должностныя. Обращаясь отъ сего къ разрѣшенію втораго изъ вышепостановленныхъ вопросовъ, Правительствующій Сенатъ, принявъ въ соображеніе изложенныя выше показанія Шелова-

нова, Мендіева и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ сѣченіи Севастьянова, осмотръ бѣлья Севастьянова и актъ свидѣтельствованія его въ совѣщательномъ Врачебномъ Присутствіи Уфимскаго Губернскаго Правленія,—относитъ понесенное Севастьяновымъ сѣченіе розгами, по показаніямъ свидѣтелей отъ 150 до 200 ударовъ, къ побоямъ тяжкимъ, хотя и не подвергавшимъ жизнь его опасности (ст. 1533 Улож.).—При чемъ за признаніемъ того, что Васильевъ и Ватлашевъ, совершая преступленіе, дѣйствовали какъ лица должностныя, нанесеніе этихъ побоевъ не можетъ быть отнесено къ тому роду истязанія, о которомъ упоминается въ 345 ст. Улож. Разрѣшивъ такимъ образомъ вышеприведенный вопросъ, Правительствующій Сенатъ не можетъ оставить безъ обсужденія представленнаго Севастьяновымъ свидѣтельства лѣкарскаго ученика Фролова и при семъ находитъ, что оное, какъ не удовлетворяющее условіямъ, требуемымъ закономъ отъ судебно-медицинскаго акта (XIII т. Уст. Врач. и Суд. Мед.), основанное, по показанію Фролова, не наличномъ его удостовѣреніи, а на словахъ Севастьянова и его жены, и противорѣчащее имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ: осмотру бѣлья Севастьянова и акту свидѣтельствованія въ Губернскомъ Правленіи, никакого значенія по силѣ 328 ст. 2 кн. XV т. Зак. Суд. Угол. не имѣетъ. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и указаніе жены Севастьянова, что послѣдствіемъ понесеннаго мужемъ ея сѣченія розгами было частію разстройство умственныхъ его способностей, ибо имѣющееся въ дѣлѣ къ доказательству сего свѣдѣніе врача Кругликовскаго положительно сего не удостовѣряетъ и, какъ не подкрѣпленное никакими другими обстоятельствами, за силою приведенной 328 ст. 2 кн. XV т., доказательства не составляетъ. За тѣмъ, что касается сдѣланныхъ подсудимыми въ отзывахъ ихъ указаній на то, что свидѣтельствующіе противъ подсудимыхъ Батыревъ, Минглигафаровъ, Старцевъ, Смирновъ и Пономаревъ спрошены подъ присягой слѣдователемъ чиновникомъ особыхъ порученій Оренбургскаго генералъ-губернатора Шмотинымъ съ нарушеніемъ формъ и обрядовъ, для сего закономъ (ст. 229, 230 и 237 2 кн. XV т.) установленныхъ, и что нѣкоторымъ изъ нихъ слѣдователемъ не дано очной ставки съ подсудимыми, не смотря на ихъ требованіе, то въ семъ отношеніи Правительствующій Сенатъ хотя и признаетъ съ своей стороны дѣйствія слѣдователя неправильными, но тѣмъ не менѣе не можетъ не признать, что показанія означенныхъ свидѣтелей, взятыя въ совокупности, имѣютъ достовѣрную силу несомнѣннаго свидѣтельства, ибо въ главныхъ основаніяхъ, о чемъ тѣ лица въ своихъ показаніяхъ свидѣтельствуютъ, показанія эти между собою вполнѣ со-

гласны, обстоятельствамъ дѣла не противорѣчатъ и подсудимыми ни чѣмъ законнымъ образомъ не опровергнуты. Указаніе же подсудимымъ на разнорѣчіе между показаніемъ крестьянина Гордѣя Жукова (который приведенъ къ присягѣ правильно, какъ не принадлежащій къ числу лицъ, указанныхъ въ 215 и 216 стт. 2 кн. XV т.)—съ объясненіемъ удѣльнаго депутата Омельяновича и работника Севастьянова Старкова не заслуживаетъ уваженія, ибо изъ показанія Омельяновича, свидѣтельствующаго, что онъ, придя въ домъ Сахарникова, по приглашенію жены Севастьянова, и войдя въ сѣни, шума не слыхалъ, не усматривается, когда онъ приходилъ въ домъ Сахарникова: въ началѣ или въ концѣ сѣченія Севастьянова, такъ какъ по показанію исполнителей Севастьяновъ при концѣ сѣченія только хрипѣлъ; притомъ показанія Омельяновича и Старкова, какъ безприсяжныя, по 1 п. 334 ст. 2 кн. XV т., вовсе силы доказательства не имѣютъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній противорѣчитъ свидѣтельствамъ прикащика Босова и жены Севастьянова. Наконецъ поѣздка Севастьянова вскорѣ послѣ происшествія и отзывъ врача Копылова свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что сѣченіе, потерпѣнное Севастьяновымъ, не имѣло гибельныхъ послѣдствій ни для жизни, ни для здоровья его, но отнюдь обстоятельства эти не служатъ законнымъ удостовѣреніемъ того, что побои, нанесенные ему, Севастьянову, слѣдуетъ отнести къ числу легкихъ. Выводъ подсудимыхъ о томъ, что осмотръ бѣлья Севастьянова произведенъ безъ ихъ бытности, не можетъ уничтожить силы сей улики, ибо таковый произведенъ былъ при сторонникъ лицахъ, и притомъ законъ не обязываетъ слѣдователя приглашать непремѣнно къ сему обвиняемыхъ. Переходя за симъ къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, касающихся требованія денегъ, и сообразивъ показанія о семъ свидѣтелей съ выводами истцовъ и объясненіями подсудимыхъ, оказывается: кандидатъ старосты Праздниковъ положительно удостовѣряетъ, подъ присягою, что жена Севастьянова, прося за мужа, предлагала какое то количество денегъ, но исправникъ Васильевъ отвѣчалъ: „менѣе 40 т. не возьму“. По показанію же старосты Хохрякова исправникъ Васильевъ просилъ съ жены Севастьянова 40 т. руб. за окончаніе какого то дѣла. Таковыя свидѣтельства, согласныя какъ между собою, такъ и съ предъявленіемъ истца Севастьянова, показаніемъ его жены и прикащика Босова, составляютъ доказательство совершенное (329 ст. 2 кн. XV т.), тѣмъ болѣе, что противъ привода къ присягѣ подсудимые никакого отвода непредставляли, а если они и указываютъ въ свое оправданіе на объясненіе священника Павлова, на показанія жены Сахарникова и мѣщанина Бакина, то, принимая во вниманіе: а) что Пав-

ловъ хотя и объясняетъ, что исправникъ на предложеніе жены Севастьянова взять деньги и отпустить ея мужа сказалъ, что не возьметъ съ нея 20 т. руб. за каждый часъ своей службы, а одинъ изъ врачей, что „мы, матушка, съ тебя не возьмемъ и полмилліона, наша жизнь и честь дороже денегъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ Павловъ отзывается, что онъ не слыхалъ, требовали-ли чиновники денегъ, слѣдовательно противнаго положительно не утверждаетъ, и къ тому же присовокупляетъ, что намѣреніе чиновниковъ высѣчь Севастьянова ему извѣстно не было, ибо они сказали ему, что отправятъ Севастьянова въ Бирскъ, и б) что показанія мѣщанина Бакина и жены Сахарникова безприсяжныя (334 ст. 2 кн. XV т.), Правительствующій Сенатъ таковыя показанія, а равно и отзывъ священника Павлова не находитъ достаточными для опроверженія означенныхъ показаній Праздникова и Хохрякова, а посему, основываясь на сихъ показаніяхъ и руководствуясь приведенною 329 ст. 2 кн. XV т., признаетъ по дѣлу доказаннымъ требованіе Васильевымъ съ Севастьянова денегъ, отъ участія въ каковомъ требованіи не можетъ быть освобожденъ и Ватлашевъ, какъ сознавшійся, что онъ дѣйствовалъ по обоюдному съ Васильевымъ согласію. Что же относится за симъ до требованія денегъ съ Колотова, то за непмѣніемъ въ дѣлѣ къ сему доказательствъ обстоятельство это, а равно и выводъ Севастьянова о нанесеніи ему ударовъ по лицу врачами и Колотова о захватѣ Васильевымъ принадлежащихъ ему денегъ 18 руб. во время карточной игры, слѣдуетъ оставить безъ послѣдствій, ибо о первомъ свидѣтельствуютъ безъ присяги жена крестьянина Кондюрина и Сахарникова, что ветеринарный врачъ Яковлевъ ударилъ Севастьянова, а о второмъ Яковлевъ отозвался, что деньги принадлежатъ ему. Изъ всего вышеизложеннаго такимъ образомъ усматривается, что со стороны Васильева и Ватлашева, дѣйствовавшихъ какъ лица должностныя, было требованіе денегъ за избавленіе Севастьянова отъ сѣченія розгами и что понесенные Севастьяновымъ побои составляли истязаніе сего послѣдняго. При такихъ видахъ дѣла сего дѣяніе Васильева и Ватлашева слѣдуетъ отнести къ вымогательству—преступленію, предусмотрѣнному 377 ст. Улож. и влекущему за собой наказаніе по 378 ст. Уложенія. Но какъ опредѣляемыя сею статьею наказанія,—сравнительно съ назначеннымъ Палатою симъ подсудимымъ, суть тягчайшія; настоящее же дѣло подлежитъ разсмотрѣнію Правительствующаго Сената не въ порядкѣ непосредственной ревизіи, а по отзывамъ самихъ подсудимыхъ, то по сему наказаніе имъ, въ виду 414 ст. 2 кн. XV т., не можетъ быть увеличено противъ опредѣленнаго рѣшеніемъ Палаты; каковое рѣшеніе Палаты по сему и должно

быть оставлено въ своей силѣ съ объясненіемъ, впрочемъ, Палатѣ неправильности онаго, такъ какъ она, признавая требованіе денегъ доказаннымъ, отнесла сіе обстоятельство къ требованію вознагражденія за причиненную обиду (безчестіе),—на что никакихъ указаній въ дѣлѣ нѣтъ. Относительно же врачей Небера и Яковлева рѣшеніе Палаты, по вышеизложеннымъ даннымъ, должно признать правильнымъ, ибо поступки сихъ подсудимыхъ, какъ лицъ частныхъ, подлежатъ дѣйствію 1533 ст. Улож., и изъ опредѣляемыхъ сею статьею наказаній для нихъ по безнравственности въ дѣйствіяхъ (7 п. 129 ст. Улож.) и предшествовавшему онымъ требованію денегъ долженствовано быть избраннымъ высшее, именно: заключеніе въ смирительный домъ на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ съ потерею нѣкоторыхъ, на основ. 50 ст. Улож., особенныхъ правъ и преимуществъ, но съ назначеніемъ таковаго въ мѣрѣ нисшей во вниманіе къ сознанію подсудимыхъ (2 п. 134 ст. Улож.). Равнымъ образомъ представляется правильнымъ и сообразнымъ съ законами и обстоятельствами дѣла заключеніе Палаты о признаніи Васильева и Ватлашева виновными въ превышеніи власти арестованіемъ купца Колотова, ибо они, арестуя его за буйство и дерзости и причиненныя имъ обиды, а не на требованіе другихъ лицъ (хозяина дома, въ которомъ они находились), явились такимъ образомъ судьями въ своемъ дѣлѣ, выйдя изъ круга и предѣловъ дѣйствій, указанныхъ имъ закономъ. За симъ домогательство апелляторовъ Васильева, Ватлашева и Небера о возложеніи на Севастьянова судебныхъ издержекъ, въ виду 26 ст. 2 кн. XV т., удовлетворенію не подлежитъ. Выводы же ихъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ слѣдователя по настоящему дѣлу, чиновника особыхъ порученій Оренбургскаго генералъ губернатора Шмотина, изложенныя въ отзывахъ ихъ, относительно спроса свидѣтелей по дѣлу, какъ и выше сего изъяснено, подтверждаются, почему и слѣдуетъ таковыя дѣйствія Шмотина передать на разсмотрѣніе подлежащаго начальства. Обращаясь отъ сего къ обвиненію, возведенному на подсудимаго Ватлашева, въ устройствѣ лоттереи безъ разрѣшенія начальства, Правительствующій Сенатъ находитъ: Ватлашевъ при слѣдствіи объяснилъ, что, имѣя намѣреніе розыграть въ лоттерею, во время Березовской ярмарки, лошадь, онъ для этого приготовлялъ подписчиковъ; но потомъ, найдя это не выгоднымъ, передалъ лошадь съ лоттерейнымъ листомъ писарю своему Цирникову, что послѣдній и подтвердилъ, добавивъ, что лошадь и лоттерейный листъ купилъ за 80 руб. Розыгрышъ же происходилъ безъ участія Ватлашева, какъ это видно изъ показаній торговцевъ Александрова и Подувалова. Изъ соображенія изложеннаго ока-

зывается, что Ватлашевъ въ устройствѣ лотереи сознался, за что и подлежитъ отвѣтственности по 47 ст. Уст. о нак., налаг. мир. суд., какъ правильно заключила о семъ и Уголовная Палата. По всѣмъ симъ соображеніямъ, признавая отзывы подсудимыхъ Васильева, Ватлашева, Небера и Яковлева, въ отношеній приносимыхъ оправданій къ смягченію ихъ участи не заслуживающими никакого уваженія, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) рѣшеніе Уфимской Уголовной Палаты по настоящему дѣлу въ части, относящейся до надворнаго совѣтника Петра Михайлова Васильева и коллежскаго регистратора Александра Александрова Ватлашева, оставить въ своей силѣ; въ части же, касающейся титулярнаго совѣтника (что нынѣ коллежскій Ассесоръ) Петра Николаева Небера и коллежскаго секретаря Николая Павлова Яковлева утвердить, а въ отзывѣ на оное подсудимымъ отказать, взыскавъ притомъ съ нихъ, Васильева, Ватлашева, Небера и Яковлева, на основаніи 483 ст. 2 кн. XV т., гербовыя въ доходъ казны пошлины за употребленную въ Правительствующемъ Сенатѣ на производство по сему дѣлу вмѣсто гербовой простую бумагу за сколько причтется листовъ. 2) Неправильныя дѣйствія слѣдователя по настоящему дѣлу чиновника особыхъ порученій при Оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Шмотина передать на разсмотрѣніе подлежащаго начальства. Объ исполненіи сего опредѣленія, съ возвращеніемъ подлиннаго дѣла, Уфимской Палатѣ Уголовнаго и Гражданскаго Суда послать указъ, объяснивъ ей въ ономъ неправильность рѣшенія ея посему дѣлу въ отношеніи подсудимыхъ Васильева и Ватлашева.

II.

Рѣшеніе Московской Судебной Палаты по дѣлу книгопродавцевъ Лисенкова и Кожанчикова. 1) *Уступка права на литературную собственность можетъ быть совершена и домашнимъ актомъ; 2) неисполненіе условія, опредѣленнаго въ 290 ст. Уст. Ценз., не лишаетъ права доказывать своего права на литерат. произведеніе въ судебномъ порядкѣ; 3) книгопродавецъ, купившій у наслѣдниковъ автора произведеніе, уже проданное прежде авторомъ другому, и напечатавшій его, обязанъ вознаградить собственника за убытки.*

1869 года октября 17 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по Гражданскому Департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Старшаго Предсѣдателя А. Н. Шахова въ составѣ членовъ: Б. А. Миллера, В. С. Арсеньева и

С. Н. Раевскаго, разсматривала дѣло по указу Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената о взысканіи купцомъ Иваномъ Лисенковымъ съ купца Дмитрія Кожанчикова убытковъ за перепечатаніе стихотвореній Шевченко. Обстоятельства дѣла: книгопродавецъ купецъ Иванъ Лисенковъ обратился 6 іюля 1867 года въ С.-Петербургскій Окружный судъ съ исковымъ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ, что умершій малороссійскій поэтъ Шевченко по условію, выданному въ 1843 году, уступилъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе два стихотворенія свои: „Кобзарь“ и „Гайдамаки“, которыя и были издаваемы имъ, Лисенковымъ, три раза, при чемъ дѣлались публикаціи въ вѣдомостяхъ (въ 1866 году); между тѣмъ въ 1867 году книгопродавецъ купецъ Дмитрій Кожанчиковъ по условію, заключенному съ повѣреннымъ наслѣдниковъ Шевченко, издалъ собраніе стихотвореній Шевченко, въ которомъ помѣстилъ безъ всякихъ измѣненій упомянутыя два стихотворенія, а потому, находя въ дѣйствіи Кожанчикова нарушеніе права литературной собственности, Лисенковъ просилъ Судъ объ удовлетвореніи его по закону, при чемъ цѣну иска своего опредѣлилъ въ 3750 руб. сер. При семъ Лисенковъ представилъ подлинное домашнее условіе, писанное на 15 коп. листѣ гербовой бумаги и подписанное Тарасомъ Шевченко отъ 8 февраля 1843 года, въ коемъ значится, что Шевченко продалъ книгопродавцу Лисенкову въ вѣчное и потомственное владѣніе сочиненіе свое, стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ: „Кобзарь“ и „Гайдамаки“, съ объясненіемъ, что кромѣ Лисенкова ни онъ, Шевченко, ни наслѣдники его печатать этого сочиненія не имѣютъ права. Противъ этого иска повѣренный книгопродавца Кожанчикова, присяжный повѣренный Спасовичъ, возразилъ: 1) что условіе, заключенное Шевченко съ Лисенковымъ, какъ не засвидѣтельствованное у маклера, вопреки 288 ст. XIV т. Уст. Ценз., не дѣйствительно; 2) что Лисенковъ, вопреки 290 ст. того же тома, о правѣ своемъ на настоящія стихотворенія Шевченко со дня смерти его, послѣдовавшей въ 1861 году, въ установленный годичный срокъ не заявилъ въ надлежащемъ порядкѣ, чѣмъ лишился права на эти сочиненія, и 3) что такъ какъ стихотворенія: „Кобзарь“ и „Гайдамаки“ въ изданіи Кожанчикова занимаютъ менѣе $^1/_3$ книги, то по смыслу 289 ст. Уст. Ценз. перепечатаніе ихъ Кожанчиковымъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть признано контрафакціею. По этому Спасовичъ просилъ объ отказѣ Лисенкову въ искѣ. С.-Петербургскій Окружный Судъ, принявъ во вниманіе, что книгопродавецъ Лисенковъ, для огражденія своего права на стихотворенія Шевченки „Гайдамаки“ и „Кобзарь“, по смерти его установленнаго ст.

290 Ценз. Уст. условія не соблюлъ, и что перепечатка Кожанчиковымъ этихъ стихотвореній, какъ занимающая менѣе $^1/_3$ части его изданія, не составляетъ по ст. 289 контрафакціи, рѣшеніемъ 4 октября 1867 года опредѣлилъ: въ искѣ Лисенкову съ Кожанчикова отказать. На это рѣшеніе книгопродавецъ Лисенковъ принесъ С.-Петербургской Судебной Палатѣ апелляціонную жалобу, въ которой объяснилъ: 1) что условіе, заключенное съ нимъ Шевченкомъ на передачу права на означенныя стихотворенія его хотя и домашнимъ порядкомъ, какъ въ подлинности не опровергнутое, должно быть признано дѣйствительнымъ; 2) что требованіе статьи 290 Ценз. Уст. о заявленіи въ годичный срокъ по смерти автора о принадлежащемъ кому либо правѣ на изданіе его сочиненій не имѣетъ примѣненія къ нему, Лисенкову, такъ какъ право собственности на стихотворенія Шевченки онъ пріобрѣлъ еще за 20 лѣтъ до смерти послѣдняго и при жизни его уже осуществилъ, и 3) что ст. 289, дозволяющая сочинителямъ перепечатку проданныхъ другимъ лицамъ произведеній, относится къ самымъ авторамъ, а не наслѣдникамъ ихъ, и предусматриваетъ тотъ случай, когда авторомъ измѣнено содержаніе сочиненія на $^2/_3$ текста, а не тотъ, когда къ проданному сочиненію прибавлены только новыя, такъ какъ въ противномъ случаѣ право литературной собственности было бы немыслимо. По сему Лисенковъ просилъ объ отмѣнѣ рѣшенія Окружнаго Суда и признаніи изданія Кожанчикова контрафакціею съ присужденіемъ ему съ Кожанчикова указаннаго въ 304 ст. Уст. Ценз. взысканія и предоставленіемъ понесенные отъ дѣйствій Кожанчикова убытки отыскивать въ порядкѣ исполнительнаго производства. За отмѣною Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Сената состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія С.-Петербургской Судебной Палаты, настоящее дѣло, по указу Правительствующаго Сената передано на разсмотрѣніе Московской Судебной Палаты. На засѣданіи Судебной Палаты книгопродавецъ Лисенковъ, повторивъ изложенныя въ аппеляціи его соображенія, просилъ объ удовлетвореніи его требованія. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Судебная Палата находитъ возраженія повѣреннаго отвѣтчика, Кожанчикова, о недѣйствительности заключеннаго Шевченко съ Лисенковымъ условія на уступку права изданія стихотвореній „Кобзарь“ и „Гайдамаки“, какъ совершеннаго вопреки 288 ст. XIV т. Уст. Ценз. домашнимъ порядкомъ, и о потерѣ Лисенковымъ права на искъ, за не заявленіемъ по смерти Шевченко въ установленный 290 ст. Уст. Ценз. годичный срокъ о принадлежавшемъ ему правѣ собственности на упомянутыя стихотворенія, неосновательными: первое—потому, что дѣйствующія узаконенія (438 и 458 ст. Уст.

Гр. Суд.) придаютъ домашнимъ актамъ одинаковую силу съ актами явочными, коль скоро подлинность первыхъ не опровергается, а второе—потому, что потеря Лисенковымъ особаго установленнаго 290 ст. Уст. Ценз. срока на заявленіе своего права въ охранительномъ порядкѣ не лишала его, по ст. 1 Уст. Гр. Суд., возможности отыскивать свое право судебнымъ порядкомъ въ теченіи десятилѣтней давности со времени его нарушенія. Обращаясь къ разсмотрѣнію существа иска, Судебная Палата находитъ, что коль скоро сочинитель Шевченко, по условію совершенному съ Лисенковымъ, уступилъ послѣднему въ вѣчное и потомственное владѣніе стихотворенія свои „Кобзарь“ и „Гайдамаки“, обязавшись при томъ за себя и наслѣдниковъ своихъ не перепечатывать сихъ стихотвореній, то книгопродавецъ Кожанчиковъ не имѣлъ, по ст. 420 т. X. ч. 1 Зак. Гражд., права помѣщать упомянутыхъ стихотвореній въ сдѣланномъ имъ изданіи сочиненій Шевченко, и таковымъ дѣйствіемъ нарушилъ принадлежащее Лисенкову право собственности на стихотворенія „Кобзарь“ и „Гайдамаки“. За симъ Кожанчиковъ, на основаніи 574 и 684 ст. т. X ч. I, по силѣ коихъ всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе не составляло преступленія или проступка, безспорно обязанъ вознаградить Лисенкова за причиненные ему перепечаткой означенныхъ стихотвореній въ своемъ изданіи убытки, каковые могли заключаться въ уменьшеніи продажи сихъ стихотвореній изданія Лисенкова и т. п.; количество сихъ убытковъ, по ст. 896 Уст. Гр. Суд., подлежитъ опредѣленію въ порядкѣ исполнительнаго производства. Что же касается ходатайства Лисенкова о присужденіи въ пользу его съ Кожанчикова взысканія, опредѣленнаго 304 ст. XIV т. Уст. Ценз., т. е. удовлетворенія Лисенкова по цѣнѣ проданныхъ Кожанчиковымъ экземпляровъ его изданія стихотвореній Шевченко и отобранія отъ него въ пользу Лисенкова остающихся еще не проданными экземпляровъ сей книги, то въ виду самаго свойства допущеннаго Кожанчиковымъ нарушенія и опредѣляемаго 304 ст. XIV т. взысканія,—сіе послѣднее не можетъ имѣть въ настоящемъ случаѣ примѣненія, такъ какъ оно въ свою очередь составляло бы прямое нарушеніе уступленнаго Кожанчикову права собственности на всѣ прочія стихотворенія Шевченко (кромѣ „Кобзарь“ и „Гайдамаковъ“), на которыя Лисенковъ не имѣетъ никакого права. По симъ основаніямъ Судебная Палата опредѣляетъ: 1) признать Кожанчикова не имѣвшимъ права перепечатывать сочиненія Шевченко „Кобзарь“ и „Гайдамаки“, какъ составляющія собственность Лисенкова, и потому обязаннымъ вознаградить

Лисенкова въ понесенныхъ имъ отъ сего убыткахъ, количество которыхъ предоставить Лисенкову доказывать въ исполнительномъ порядкѣ; 2) въ требованіи Лисенкова съ Кожанчикова опредѣленнаго 304 ст. т. XIV Уст. Ценз. взысканія отказать, и 3) рѣшеніе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда измѣнить; отвѣтственность въ уплатѣ судебныхъ издержекъ возложить, согласно 776 и 870 ст. Уст. Гр. Суд., на Кожанчикова и Лисенкова поровну. Копію съ настоящаго рѣшенія препроводить въ С.-Петербургскій Окружный Судъ вмѣстѣ съ подлиннымъ производствомъ при указѣ.

III.

Опредѣленіе Московскаго Окружнаго Суда. *1) Правила Устава Уголовнаго Суд. относительно заявленій о невѣрностяхъ содержанія протоколовъ судебныхъ засѣданій примѣнимы и въ гражданскомъ процессѣ; 2) заявленія подобнаго рода должны быть дѣлаемы сторонами при предъявленіи имъ рѣшенія въ окончательной формѣ, когда стороны вправѣ разсматривать все производство.*

1870 года января 28 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по Гражданскому Департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ А. К. Фриде, въ составѣ членовъ: В. С. Панафидина и А. И. Вейденгаммера, разсматривала дѣло по частной жалобѣ повѣреннаго корнета Виталія Венеціанова, губернскаго секретаря Свѣшникова о непринятіи Московскимъ Окружнымъ Судомъ апелляціонной его жалобы по дѣлу о взысканіи довѣрителемъ его съ надворнаго совѣтника Еналѣева капитала и имущества. Обстоятельства дѣла: повѣренный корнета Виталія Венеціанова, губернскій секретарь Свѣшниковъ, въ прошеніи, поданномъ въ Судебную Палату, объяснилъ, что 15 сентября 1869 г. въ публичномъ засѣданіи Окружнаго Суда разсматривалось дѣло по иску, предъявленному его довѣрителемъ къ надворному совѣтнику Еналѣеву. Окружный Судъ, признавая этотъ искъ не доказаннымъ, резолюціею, состоявшеюся въ томъ же засѣданіи, постановилъ: въ искѣ Венеціанову отказать. Провозглашая эту резолюцію, предсѣдательствовавшій въ Судѣ объявилъ, что днемъ для прочтенія рѣшенія суда назначается 28-е число сентября. За сутки до истеченія апелляціоннаго срока, т. е. 27 октября, онъ, повѣренный Венеціанова, Свѣшниковъ, подалъ на это рѣшеніе жалобу и за тѣмъ 6 ноября былъ вызванъ въ судебное засѣданіе Окружнаго Суда, гдѣ изъ доклада суду объяс-

нилось, что въ протоколѣ судебнаго засѣданія за 15 число сентября днемъ для прочтенія рѣшенія суда въ окончательной формѣ записано не 28 число сентября, а 23 число. Такимъ образомъ оказалось, что апелляціонная жалоба подана по пропущеніи срока. Объясняя этотъ случай ошибкою, вкравшеюся въ судебный протоколъ Окружнаго Суда, онъ, Свѣшниковъ, просилъ Окружный Судъ не ставить правъ тяжущагося въ зависимость отъ ошибки, происхожденію которой онъ не способствовалъ, повѣрить содержаніе протокола допросомъ его вѣрителя Венеціанова и Коллежскаго Секретаря Бефесова, которые при объявленіи судомъ резолюціи 15 сентября находились въ залѣ засѣданія и были свидѣтелями, что днемъ для прочтенія рѣшенія на письмѣ было объявлено не 23-е, а 28 число сентября. Венеціановъ, подстрекаемый нетерпѣніемъ знать тѣ основанія, по которымъ судъ отказалъ ему въ искѣ, не одинъ разъ до 28 сентября обращался съ вопросомъ о содержаніи опредѣленія къ помощнику секретаря Иванову и, получая отвѣты, что опредѣленіе еще не сдано, 30 же сентября ожидалъ въ канцеляріи Окружнаго Суда, пока опредѣленіе было докончено перепискою и утверждено подписью, въ подтвержденіе чего просилъ допросить подъ присягою Иванова, переписывавшаго это опредѣленіе и обратить вниманіе на то, что если опредѣленіе было изготовлено не ранѣе 30 сентября, то записанное въ протоколѣ 23-е число для прочтенія рѣшенія, изготовленнаго къ 30 числу, не можетъ не представлять очевидной ошибки. На сколько эти способы для повѣрки протокола ни казались бы слабыми, достоинство суда, по мнѣнію Г. Свѣшникова, требовало признать ихъ достаточными, такъ какъ день, назначенный для прочтенія рѣшенія, не былъ записанъ ни въ объявленной судомъ резолюціи ни въ настольномъ реэстрѣ, въ которомъ для показанія окончанія сроковъ установлена особая графа. Но Окружный Судъ, не повѣряя протокола указаными имъ способами, опредѣлилъ: апелляціонную жалобу, какъ поданную по пропущеніи срока, возвратить; изъ чего видно, что къ признанію срока на принесеніе жалобы пропущеннымъ для суда послужилъ основаніемъ протоколъ судебнаго засѣданія 15 сентября. Имѣя въ виду, что въ уставѣ Гражданскаго Судопроизводства не включено правилъ о порядкѣ составленія протоколовъ, что правила эти помѣщены въ уставѣ производства Суда Уголовнаго, изъ нихъ нельзя не усмотрѣть, что законъ не считаетъ протоколовъ судебныхъ засѣданій за акты не погрѣшимые, налагаетъ на судъ обязанность предъявлять эти протоколы участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ для исправленія замѣченныхъ упущеній и только послѣ исполненія сего признаетъ протоколъ судебнымъ актомъ, не подле-

жащимъ опроверженію, а между тѣмъ протоколъ судебнаго засѣданія Окружнаго Суда отъ 15 сентября не былъ предъявленъ для исправленія ошибокъ ни истцу Венеціанову, ни ему, Свѣшникову, онъ, Свѣшниковъ, полагаетъ, что и протоколъ этотъ не можетъ быть принятъ основаніемъ для прегражденія тяжущемуся пути къ правосудію. На основаніи вышеизложеннаго, повѣренный Свѣшниковъ проситъ Судебную Палату провѣрить протоколъ тѣми средствами, какія имъ были предложены Окружному Суду, и по открытіи въ немъ ошибки, признать жалобу поданною въ срокъ, на каковой предметъ выдать ему свидѣтельство для представленія изъ Окружнаго Суда формальной справки о томъ, что ни въ резолюціи 15 сентября, ни въ рѣшеніи того суда, ни въ настольномъ реэстрѣ не было записано дня, назначеннаго для прочтенія рѣшенія Суда. Въ объясненіи суда на эту жалобу Окружный Судъ доноситъ, что выслушавъ дѣло объ истребованіи Корнетомъ Виталіемъ Венеціановымъ съ Надворнаго Совѣтника Енолѣева, какъ попечителя надъ Сергѣемъ Венеціановымъ, отчета въ количествѣ и суммъ процентныхъ бумагъ, полученныхъ имъ изъ Московской Дворянской Опеки, судъ 15 сентября постановилъ: въ искѣ Корнета Венеціанова отказать. Днемъ для прочтенія на письмѣ рѣшенія суда было назначено 23 сентября, а 27 октября Свѣшниковъ подалъ на это рѣшеніе апелляціонную жалобу, которую судъ, принимая во вниманіе, что по 715 ст. Уст. Гражд. Суд. тяжущіеся могутъ читать рѣшеніе въ канцеляріи суда, что копія съ рѣшенія суда получена была Свѣшниковымъ 4 октября, слѣдовательно за 19 дней до окончанія срока на подачу апелляціонной жалобы, что Свѣшниковъ, получивъ копію съ опредѣленія суда, не заявилъ ни объ ошибкѣ въ протоколѣ, ни о не своевременной сдачѣ опредѣленія, что по всѣмъ дѣламъ, доложеннымъ въ это засѣданіе, было назначаемо не 28-е, а 23 сентября, что срокъ на подачу апелляціонной жалобы по дѣламъ, производящимся сокращеннымъ порядкомъ, установленъ мѣсячный, считая со дня, назначеннаго для объявленія рѣшенія,—нашелъ, что жалоба Свѣшникова подана по пропущеніи срока, а потому опредѣлилъ: жалобу возвратить. За тѣмъ Свѣшниковъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему удостовѣренія въ томъ, что въ настольномъ реэстрѣ, въ графѣ для отмѣтки окончанія апелляціонныхъ сроковъ, отмѣтки этой сдѣлано не было. Это требованіе Окружный Судъ призналъ не вытекающимъ изъ законныхъ основаній, а потому ходатайство Свѣшникова оставилъ безъ уваженія. Соображая жалобу повѣреннаго Свѣшникова съ объясненіемъ Окружнаго Суда, Палата находитъ, что за невключеніемъ въ Уставъ Гражданскаго Судопроизводства правилъ о протоколахъ судебныхъ засѣданій по граж-

данскимъ дѣламъ, при составленіи таковыхъ протоколовъ, согласно 9 ст. Уст. Гражд. Суд., должно руководствоваться тѣми правилами, которыя установлены закономъ для составленія протоколовъ судебныхъ засѣданій по дѣламъ уголовнымъ, насколько сіи послѣднія примѣнимы къ дѣламъ гражданскимъ. При разсмотрѣніи тѣхъ правилъ оказывается, что, на основаніи 843 ст. Уст. Уголов. Суд., секретарь суда о сдѣланныхъ участвующими въ дѣлѣ лицами замѣчаніяхъ, относительно не точнаго изложенія происходившаго въ судѣ дѣйствія, отмѣчаетъ на протоколѣ ниже подписи судей. По разсмотрѣніи сихъ замѣчаній судъ постановляетъ по нимъ свое заключеніе, которое подписывается судьями и скрѣпляется секретаремъ (844). Всѣ замѣчанія на протоколѣ должны быть, по смыслу 842 ст., дѣлаемы при объявленіи приговора. Между тѣмъ рѣшенія и опредѣленія по дѣламъ гражданскимъ не объявляются порядкомъ, означеннымъ въ ст. 829—834 Уст. Уголов. Суд., а могутъ быть, по изготовленію ихъ, читаны, на основаніи 715 ст. Уст. Гражд. Суд., въ канцеляріи суда, въ которыхъ равнымъ образомъ, предъявляются сторонамъ, по требованію ихъ, и протоколы и прочія относящіяся къ дѣлу распоряженія суда. Чтобы по изготовленіи рѣшенія или протокола г. Свѣшниковъ или довѣритель его заявили объ ошибочной отмѣткѣ въ протоколѣ дня, назначеннаго на изготовленіе рѣшенія не усматривается ни изъ прошенія г. Свѣшникова, ни изъ объясненія суда; а потому имѣя въ виду, что по всѣмъ дѣламъ, доложеннымъ въ засѣданіи 15 сентября, днемъ для прочтенія письменныхъ постановленій суда было назначено не 28-е, а 23 сентября, Судебная Палата находитъ невозможнымъ удовлетворить ходатайство Свѣшникова, относительно признанія ошибки въ протоколѣ засѣданія Окружнаго Суда 15 сентября, а потому обративъ вниманіе Окружнаго Суда на то, что для устраненія на будущее время дѣлъ подобныхъ настоящему, неизлишне отмѣчать на краткихъ резолюціяхъ день назначенный для изготовленія рѣшенія и опредѣленія въ окончательной формѣ, какъ то принято въ другихъ Окружныхъ Судахъ и въ Палатѣ,—Судебная Палата опредѣляетъ: частную жалобу Губернскаго Секретаря Свѣшникова, на основаніи ст. 9 Уст. Гражд. Суд. и ст. 843 Уст. Уголов. Суд. оставить безъ послѣдствій и копію сего опредѣленія отослать въ Окружный Судъ при указѣ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

По поводу ст. ст. 220, 1.428, 1.740, 1.529, 1.510—22, 1.679, 1.575 и 1.583 X. т. ч. 1.

I.

Въ судебной практикѣ неоднократно возникалъ вопросъ: о правѣ лица, достигшаго 17-лѣтняго возраста, *продавать* принадлежащее ему движимое имущество безъ совершенія письменнаго документа и безъ испрошенія согласія попечителя? Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Сената (1869 г., № 324), поставивъ вопросъ такимъ образомъ: „распространяется ли сила 220 ст. т. X ч. 1, безусловно на всѣ безъ исключенія дѣйствія несовершеннолѣтнихъ по распоряженію ими ихъ движимымъ имуществомъ?“—нашелъ, что на основаніи 220 ст. т. X. ч. 1 „достигшій семнадцатилѣтняго возраста вступаетъ въ „управленіе своимъ имуществомъ, но (говорится далѣе въ этой „статьѣ) дѣлать долги, давать письменныя обязательства и совершать акты и сдѣлки какого-либо рода, а равно и распоряжаться капиталами, гдѣ-либо въ обращеніи находящимися, несовершеннолѣтній можетъ неиначе, какъ съ *согласія* и *за подписью* своихъ попечителей; безъ чего никакія выданныя имъ обязательства не могутъ почитаться дѣйствительными.“ Точный и буквальный смыслъ какъ приведенной статьи, такъ и ст. 221 и 222 тѣхъ же законовъ ясно показываетъ, что содержащееся въ оныхъ запрещеніе относится до актовъ, сдѣлокъ и обязательствъ, совершенныхъ несовершеннолѣтнимъ, и слѣдовательно до такого рода распоряженій имуществомъ, для которыхъ законъ требуетъ заключенія *письменныхъ* условій. Но изъ смысла этой статьи вовсе не слѣдуетъ, чтобы несовершеннолѣтній не имѣлъ права, безъ письменнаго согласія попечителя, распоря-

диться какою-либо вещью или продать какую-либо даже *незначительную* движимость, такъ какъ передача отъ продавца покупщику движимаго имущества можетъ быть совершена безъ всякаго письменнаго акта (ст. 1.510 т. X ч. 1). Не говоря о томъ, сколь стѣснительно было бы такое безусловное запрещеніе въ практической жизни какъ для самихъ несовершеннолѣтнихъ, особенно при управленіи ими своимъ имѣніемъ, такъ и для лицъ, съ которыми они могутъ имѣть сношенія,—самый законъ, освобождая достигшихъ 17-лѣтняго возраста отъ опеки, предоставляя имъ самимъ право избрать себѣ попечителей, а также и право вступить въ управленіе своимъ имѣніемъ,—даетъ имъ такимъ образомъ извѣстную долю самостоятельности, въ отличіе отъ малолѣтнихъ, не пользующихся этими правами (ст. 217, 218, 219 и 1.382 т. X ч. 1.) Смыслъ 1.410 ст. т. X ч. 1. также не противорѣчитъ выраженному выше мнѣнію. Законъ этотъ возлагаетъ отвѣтственность на того, кто *завѣдомо* купитъ у несовершеннолѣтняго имущество, безъ надлежащаго или требуемаго о семъ законами *согласія* попечителей; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ отвѣтственность покупщика ограничена опредѣленными закономъ правилами. А такъ какъ изъ правила, содержащагося въ 220 ст., нельзя вывести заключенія, чтобы несовершеннолѣтній безусловно не имѣлъ права, безъ письменнаго согласія попечителя, распорядиться какимъ-либо своимъ движимымъ имуществомъ, то посему и покупка такой движимости у несовершеннолѣтняго не можетъ имѣть для покупщика послѣдствій, въ 1.410 ст. указанныхъ.

Съ своей стороны мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ: въ силу ст. 710 Зак. Гражд. „движимыя вещи могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами и безъ всякихъ письменныхъ актовъ по однимъ *словеснымъ договорамъ* и соглашеніямъ"; по ст. 1.510—1.522 тѣхъ зак. уступка за деньги недвижимыхъ вещей отнесена къ продажѣ и покупкѣ. Затѣмъ едвали есть основаніе признавать, что 1) несовершеннолѣтній безъ совершенія письменнаго акта можетъ продать движимость, не испрашивая разрѣшенія попечителя; 2) если не онъ составитъ письменный актъ на продажу той же самой движимости, то подобная продажа, безъ испрошенія согласія попечителя, не имѣетъ никакой силы, даже подвергаетъ покупщика *уголовной* отвѣтственности.

По нашему мнѣнію въ обоихъ случаяхъ сила договора купли-продажи совершенно одинакова (ст. 1.410 Зак. Гражд.), и потому въ томъ и другомъ случаѣ необходимо испросить на продажу согласіе попечителя, подъ опасеніемъ недѣйствительности договора.

II.

Другой весьма любопытный вопросъ состоялъ въ томъ: „переходитъ ли на покупщика недвижимаго имѣнія обязанность платить *личные долги* продавца?“ Гражд. Кассац. Департ. (1869, № 457) нашелъ, что изъ соображенія узаконеній о порядкѣ совершенія купчихъ крѣпостей усматривается, что хотя по 1.428 ст. т. X ч. 1 къ числу произвольныхъ условій, въ купчія включаемыхъ, отнесено условіе о переводѣ долговъ и платежей съ продавца на покупщика, но въ послѣдующихъ статьяхъ того же тома указаны ближайшія правила по сему предмету. Такъ по 1.456, 1.463 ст. состоящіе на продаваемомъ имѣніи частные и казенные иски, которые по запретительнымъ книгамъ и сенатскимъ объявленіямъ могутъ быть извѣстны присутственному мѣсту прежде совершенія въ ономъ купчей крѣпости,—должны быть *обезпечены* вычетомъ соразмѣрной суммы изъ денегъ, покупщикомъ продавцу платимыхъ, и безъ сего вычета присутственное мѣсто не должно совершать купчей крѣпости. Изъ сего исключаются только имѣнія, состоящія въ залогѣ кредитныхъ установленій, которыя могутъ быть продаваемы, съ согласія сихъ послѣднихъ, съ переводомъ долга. Затѣмъ 1.467 ст. устанавливаетъ, что количество долговъ и платежей, которые, по обоюдному согласію продавца съ покупщикомъ, могутъ быть переведены съ перваго на послѣдняго, должно быть показано въ купчей непремѣнно со всею опредѣлительностію. При существованіи таковыхъ правилъ о порядкѣ перевода долговъ съ продавца на покупщика помѣщенныя въ приложенной къ 1.420 ст. т. X ч. 1 формѣ купчихъ крѣпостей слова: „*со всѣми по сему имѣнію обязательствами*“, невозможно понимать въ томъ смыслѣ, какъ истолковалъ съѣздъ, ибо если законъ требуетъ, чтобы въ купчей крѣпости было показано количество переводимыхъ долговъ со всею *опредѣлительностію*, и если законъ запрещаетъ переводить долги, обезпеченные запрещеніемъ по запретительнымъ книгамъ и сенатскимъ объявленіямъ, то никакъ невозможно принять выводъ, чтобы, вопреки всѣмъ этимъ постановленіямъ, въ узаконенной формѣ купчихъ крѣпостей было бы предписано такое неопредѣленное выраженіе о переводѣ долговъ на покупщика. Очевидно, что подъ употребленными въ сей формѣ словами: „со всѣми по имѣнію обязательствами“ должно разумѣть обязательства, существующія *по самому имѣнію, а не долги продавца.*

Мы совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ, ибо обязательствомъ по имѣнію можно признать только такое, которое обезпечено наложеніемъ на оное запрещеніе до продажи, или которое имѣетъ предметомъ самое имѣніе.

III.

Возбужденъ былъ вопросъ: „можетъ ли быть признанъ недѣйствительнымъ договоръ (или сдѣлка) на томъ только основаніи, что торговый гильдейскій капиталъ одной изъ договаривающихся сторонъ не соотвѣтствовалъ капиталу, затраченному на предпріятіе, составлявшее предметъ сдѣлки?“ Гражданскій Кассац. Депар. (1869, № 454) нашелъ, что по дѣйствовавшимъ законамъ до изданія Положенія 9-го февраля 1865 г. о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ (прил. къ ст. 464 т. V по продолженію 1868 г.) купечество раздѣлялось на три разряда или гильдіи, которыя различались одна отъ другой по количеству объявленнаго капитала, по размѣру платимыхъ пошлинъ за торговыя свидѣтельства и по присвоеннымъ каждой гильдіи правамъ и преимуществамъ (т. XI Уст. торг. ст. 77—107). Въ случаѣ превышенія купцомъ предоставляемыхъ ему гильдейскимъ свидѣтельствомъ торговыхъ правъ, т.-е. когда дѣйствительные его торговые обороты (не пользующіеся правомъ свободной, безпошлинной торговли) превышаютъ объявленный капиталъ или не соотвѣтствуютъ взятому свидѣтельству,—нарушитель закона, ограждающаго казенный интересъ, какъ на основаніи дѣйствовавшихъ, такъ и дѣйствующихъ законовъ, подвергается опредѣленному денежному штрафу и взысканію въ пользу казны (ст. 575 т. V Уст. о пошл. и ст. 113 прил. къ ст. 464 т. V по продолж. 1868 г.) Но законъ, налагая взысканіе на нарушителя казеннаго интереса, не разрушаетъ и не признаетъ недѣйствительными договоры, установляющіе *взаимныя обязательства между частными лицами*, потому только, что участвующіе въ торговой или промышленной сдѣлкѣ состоятъ въ несоотвѣтствующихъ гильдіяхъ. Такъ по ст. 461 Уст. Граж. Суд. акты, писанные на простой, вмѣсто гербовой, бумагѣ, принимаются за доказательство, а на основаніи ст. 1.529 т. X ч. 1 договоры признаются недѣйствительными только тогда, когда предметъ и содержаніе сдѣлки имѣли цѣль, законамъ противную. Уничтожить недѣйствительность сдѣлки, когда она не противна закону, когда составлена по доброй волѣ лицами полноправными, по одному нарушенію казеннаго интереса, не представляется правильнаго основанія, ибо казенный интересъ, и безъ разрушенія договора, можетъ быть огражденъ порядкомъ, предписаннымъ закономъ, не колебля правъ частныхъ лицъ.

Съ своей стороны мы признаемъ недѣйствительнымъ договоръ, заключенный лицемъ торговаго званія на сумму свыше его гиль-

дейскаго свидѣтельства, ибо: а) на основаніи 1.740 ст. Зак. Гражд. „если договоръ заключается о поставкѣ товаровъ или „имѣетъ предметомъ торговое предпріятіе, для исполненія коего „требуются установленныя на право торговли свидѣтельства, „то поставщикъ или подрядчикъ не можетъ принимать на себя „обязательства *свыше* той суммы, на какую полученное имъ „торговое свидѣтельство даетъ ему право.“ Этимъ закономъ указывается принципъ, отступать отъ котораго въ судебной практикѣ едвали возможно. б) По ст. 1.529 Зак. Гражд. договоръ недѣйствителенъ и обязательство ничтожно, когда договоръ клонится къ присвоенію частному лицу такого права, котораго оно по *состоянію* своему имѣть не можетъ (п. 4), и ко *вреду государственной казны* (п. 5).

IV.

Весьма важно установить въ точности тѣ признаки, которые отличаютъ *продажу* отъ *запродажи* имуществъ. По сему предмету Гражд. Кассац. Департ. Сената (1869, № 462) призналъ, что договоръ купли-продажи совершается на опредѣленное въ самомъ договорѣ имущество, коимъ владѣлецъ можетъ распоряжаться по праву собственности (ст. 1.384 т. X ч. 1), и слѣдовательно, въ силу сего договора, *при* самомъ заключеніи его продавецъ уступаетъ свои права собственности на проданное имущество другому лицу, которое такимъ образомъ дѣлается съ *этого* же времени *собственникомъ* купленнаго имущества (ст. 1.510—1.522 т. X ч. 1), и такое право собственности переходитъ къ покупщику независимо отъ того, послѣдовала ли тогда самая фактическая передача вещей или нѣтъ (ст. 1.513. т. X ч. 1). Условіе о запродажѣ есть договоръ, по которому лицо, желающее продать свою собственность, *не тотчасъ* уступаетъ права свои на оную лицу, желающему пріобрѣсти эту собственность, но только обязывается къ назначенному времени и за опредѣленную цѣну продать свое имущество (ст. 1.679. т. X ч. 1) съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій (ст. 1.860. т. X ч. 1). Изъ сего установленнаго закономъ различія между договоромъ купли-продажи и договоромъ запродажи становится очевиднымъ, что ,заключая договоръ перваго рода, покупщикъ пріобрѣтаетъ право собственности на купленное имущество со времени *совершенія* на сей предметъ условія или акта, и продавецъ съ этого же времени лишаетъ себя такого же права на оное и не можетъ распоряжаться проданною вещью по своему произволу (ст. 1.513 т. X ч. 1). По второму же роду договоровъ, запроданная вещь остается въ собственности *продавца*

до условленнаго срока, т.-е. до исполненія сторонами условій запродажной сдѣлки, и въ случаѣ отказа отъ совершенія окончательнаго акта на продажу или отъ передачи въ опредѣленный срокъ вещи тому лицу, которому онъ обязался продать оную въ опредѣленный срокъ, подвергаетъ себя указаннымъ въ законѣ и въ самомъ договорѣ послѣдствіямъ нарушенія принятаго на себя обязательства, но не можетъ быть принужденъ къ отдачѣ запроданной вещи. Въ этомъ самомъ смыслѣ постановлено и рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената 23-го марта 1867 года по дѣлу Шуйскаго (сбор. рѣш. 1867 года № 72). Въ означенномъ рѣшеніи указано различіе, какое установлено закономъ между договоромъ продажи и договоромъ запродажи, и по сему предмету въ немъ выражено: что по договору продажи вещь поступаетъ *немедленно* въ собственность пріобрѣтателя, а по договору запродажи продавецъ сохраняетъ за собою право собственности на запроданную вещь (ст. 1.684, т. X ч. 1), и между договаривающимися сторонами установляется только предварительное соглашеніе на *послѣдующее* совершеніе въ установленный закономъ срокъ и за опредѣленную цѣну акта купли и продажи. Изъ этого слѣдуетъ, что договоръ купли-продажи можетъ совершиться и безъ передачи въ то же время самой вещи съ полученіемъ за оную задатка. Законъ (ст. 1.682. т. X ч. 1) требуетъ, чтобы при заключеніи запродажной записи непремѣнно назначенъ былъ *срокъ* (ст. 1.679), въ который одна сторона обязывается продать свое имущество. Это правило не можетъ быть примѣнено къ договорамъ купли-продажи, такъ какъ по смыслу приведенныхъ законовъ при самомъ совершеніи акта на продажу вещей переходъ вещей считается совершившимся, но законъ не запрещаетъ оставлять купленную вещь на время у прежняго ея собственника, предоставляя такимъ образомъ сторонамъ назначить срокъ, когда вещь должна быть отдана или взята купившимъ оную. Равномѣрно какъ при запродажѣ, такъ и при продажѣ законъ не воспрещаетъ брать задатокъ предварительно отдачи самой вещи (ст. 1.513. т. X ч. 1), но въ такомъ случаѣ продавецъ, получившій задатокъ или всѣ деньги, принуждается къ отдачѣ проданнаго судомъ по условленной цѣнѣ.

V.

Наконецъ разсмотримъ вопросъ: „сохраняетъ ли силу условіе“ *о добровольной неустойкѣ*, выраженное не въ самомъ заемномъ письмѣ, а въ *дополнительномъ документѣ?* Разрѣшая утвердительно этотъ вопросъ, Гражд. Кассац. Департаментъ

(1869, № 395) нашелъ, что совокупный смыслъ 1.575 и 1.583. ст. X т. ч. 1 указываетъ лишь на то, что условія о добровольной неустойкѣ не могутъ быть поставляемы въ *самомъ* заемномъ обязательствѣ, но въ законахъ *не* содержится запрещенія сторонамъ, заключившимъ заемное обязательство, по отношенію къ этому обязательству постановить *особый договоръ* о способѣ исполненія обязательства, о срокахъ платежа и проч. и обезпечить точное исполненіе этихъ условій неустойкою по взаимному соглашенію. Такіе договоры, имѣя совершенно сомостоятельное значеніе, подчиняясь общимъ правиламъ, о договорахъ установленнымъ,—очевидно должны признаваться дѣйствительными и обязательными.

Мы не согласны съ этимъ выводомъ: если законъ, по существу своему, воспрещаетъ присоединять къ законной неустойкѣ, постановленной для заемныхъ обязательствъ—еще неустойку *добровольную*,—то едвали можно установлять такое толкованіе, которое дастъ средство *обходить* законъ, то-есть, другими словами, *не исполнять онаго*. Дополнимъ нашу мысль примѣромъ. Въ 1.008 ст. Зак. Гражд. постановлено: „*запрещается* въ „рядныхъ записяхъ помѣщать неустойку на случай несостоя„тельности брака“; очевидно, что помѣщеніе неустойки въ особомъ документѣ, составляющемъ дополненіе къ рядной записи было бы также незаконно, какъ и помѣщеніе сей неустойки въ *самой* рядной записи.

А. Л.

По поводу ст. 1.148 и 106 Законовъ Гражданскихъ *).

Ст. 106 Зак. Гражд. „Мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощь. *Онъ обязанъ доставлять* женѣ *пропитаніе* и *содержаніе* по состоянію и возможности своей.“

*) Настоящая статья сообщена была по поводу дѣла (заведеннаго въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ) о завѣщаніи купца Петрова; Петровъ послѣ тяжкой болѣзни, незадолго до смерти, оставилъ завѣщаніе, коимъ лишалъ жену всякой доли въ своихъ денежныхъ капиталахъ. Замѣтимъ кстати, что по гражд. уложенію Итальянскаго королевства: призванный къ наслѣдству вмѣстѣ съ своими законными дѣтьми супругъ—получаетъ опредѣленную часть наслѣдства на правѣ *пользованія*; если же законныхъ дѣтей нѣтъ, то супругъ получаетъ при другихъ наслѣдникахъ до 6 степени одну или двѣ трети наслѣдства, исключая вовсе наслѣдниковъ далѣе 6-й степени (изд. С. Заруднаго).

Ст. 1.148 Зак. Гражд. „Законная жена послѣ мужа, какъ при живыхъ дѣтяхъ, такъ и безъ оныхъ, получаетъ изъ недвижимаго имѣнія седьмую часть, а изъ движимаго—четвертую. *Право сіе не ограничиваетъ однако владѣльцевъ въ свободномъ распоряженіи благопріобрѣтенными имѣніями и въ завѣщаніи онымъ.*"

По содержанію этихъ законовъ возникаетъ вопросъ: является ли справедливымъ и согласнымъ съ общими началами гражд. права дозволять *мужу* въ завѣщаніи *лишить жену* слѣдующей ей изъ его благопріобрѣтеннаго имѣнія *указной* части?

Сводъ законовъ установляетъ слѣдующія мѣры къ обезпеченію участи вдовъ: дворянскія опеки и сиротскіе суды пекутся о вдовахъ, ограждая права ихъ на принадлежащія имъ имущества (тома II ч. 1 Св. уѣзд. уст. ст. 4.064 и 4.565. и тома X. ч. 2 ст. 181 и 182); вдовамъ должностныхъ лицъ выдаются пенсіи или одновременныя пособія; изъ родовыхъ имуществъ мужей вдовы получаютъ указныя доли; вдовы лицъ бѣднаго состоянія призрѣваются въ богоугодныхъ заведеніяхъ (Т. X, ч. 1, ст. 1.186 и 1.067 и 1); аренды до истеченія срока могутъ быть завѣщаемы только женѣ и дѣтямъ лицъ, коимъ онѣ были пожалованы.

При существованіи столь справедливыхъ законовъ неужели только владѣлецъ *благопріобрѣтеннаго* имущества пользуется исключительнымъ правомъ, не заботясь о будущности жены своей, духовнымъ завѣщаніемъ устранять ее отъ всякаго участія въ оставшемся послѣ него наслѣдствѣ, и такимъ образомъ предоставлять попеченіе о ея судьбѣ частной благотворительности? Подобное право было бы не согласно съ 106 ст. тома X ч. 1, по которой мужъ обязанъ доставлять женѣ *пропитаніе* и *содержаніе* по состоянію и возможности своей.

Затѣмъ владѣльцу благопріобрѣтеннаго имущества не слѣдуетъ дозволять—завѣщать оное кому бы то ни было *безъ назначенія* вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него части, соразмѣрной всему своему состоянію, для обезпеченія будущности своей жены.

По ст. 106 мужъ обязанъ любить свою жену. Этотъ законъ основанъ на извѣстномъ изреченіи св. апостола Павла: „Мужья любите своихъ женъ и не будьте къ нимъ суровы." (Послан. къ Колоссян. гл. III ст. 19.) Этимъ христіанскимъ правиломъ охраняется святость брака. Съ обязанностію мужа любить жену свою неразрывно связана его обязанность постоянно и неусыпно заботиться какъ о настоящемъ, такъ и о *будущемъ* ея благосостояніи: ибо любить жену, не желая ей добра,—не мыслимо. Слѣдовательно всякое распоряженіе мужа, клонящееся ко вреду жены въ настоящемъ или будущемъ ея положеніи, есть нарушеніе нравственнаго закона.

Поэтому вопросъ: „имѣетъ ли право мужъ сдѣлать завѣща-

тельное распоряженіе о прекращеніи со смертію его выдачи на *пропитаніе* и содержаніе его женѣ (когда ему принадлежитъ только благопріобрѣтенное имѣніе), долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Жена по справедливости и послѣ смерти ея мужа *не* можетъ быть лишена той части доходовъ съ его имѣнія, которую онъ при своей жизни выдѣлялъ ей на пропитаніе и содержаніе. Получаемая чиновникомъ пенсія за выслугу на государственной службѣ установленнаго срока составляетъ, безъ сомнѣнія, его благопріобрѣтенное имущество, какъ добытое имъ посредствомъ личнаго труда; однако пенсіонеръ не имѣетъ права сдѣлать завѣщательнаго распоряженія о невыдачѣ женѣ, послѣ его смерти, установленной части изъ получаемой имъ пенсіи.

Затѣмъ по аналогіи лишеніе мужемъ жены своей всѣхъ средствъ пропитанія на случай его смерти есть, безъ сомнѣнія, нарушеніе правъ жены, которая и во вдовствѣ своемъ носитъ прозвище мужа и пользуется преимуществами его званія. Не будетъ ли такой поступокъ кощунствомъ надъ святостію брака? Подобно изгнанницѣ, вдова должна оставить тотъ домъ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ прожила съ мужемъ, не заботясь, по крайней мѣрѣ, о пріобрѣтеніи средствъ къ удовлетворенію главныхъ потребностей жизни; она видитъ, что другое лицо пользуется тѣмъ имуществомъ, къ сбереженію или пріобрѣтенію котораго она, при жизни мужа, приложила не послѣднюю долю своихъ трудовъ и попеченій; она принуждена искать себѣ пристанища въ другомъ мѣстѣ, и въ случаѣ болѣзни, лишенная возможности трудиться для прокормленія себя,—поставлена въ необходимость прибѣгать съ просьбою о помощи къ частной благотворительности. Въ такомъ новомъ для нея положеніи, въ виду безотрадной будущности, развѣ она можетъ не страдать безпрестанно, будучи уязвлена въ самыхъ дорогихъ ея привязанностяхъ и въ самыхъ справедливыхъ ея надеждахъ?

Сверхъ того есть полное основаніе предполагать, что въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ мужа можетъ заключаться часть, принадлежащая его женѣ, уже потому, что жена, при совмѣстномъ жительствѣ съ мужемъ, болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно участвуетъ въ пріобрѣтеніи имъ имущества и въ сохраненіи онаго. Въ 113 и 1211 ст. X т. 1 ч. и въ 1.937 ст. т. XI Уст. Торг. заключаются прямыя указанія, что и въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ мужа содержится часть, которую законъ признаетъ собственностію жены. Этими статьями постановлено: а) въ случаѣ казеннаго взысканія, числящагося на лицѣ, получившемъ пенсію за его службу государственную, изъ слѣдующей вдовѣ его части пенсіи удерживается только половина на удовлетвореніе таковаго взысканія. б) Если вла-

дѣлецъ *заповѣднаго* имѣнія (въ которое, по 469 ст. X т. 1 ч., можетъ быть обращено какъ родовое, такъ и благопріобрѣтенное, недвижимое имѣніе) умеръ, не сдѣлавъ никакого распоряженія для обезпеченія участи жены своей; то она, во время своего вдовства, вправѣ требовать, чтобы ей ежегодно, по смерть ея, была выдаваема $^1/_6$ часть чистаго дохода съ заповѣднаго имѣнія. в) Ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подвергаема секвестру и обращаема на уплату несостоятельнаго должника, принадлежащаго къ торговому сословію, *половина* его движимости, находящейся въ домѣ общаго его съ женою жительства, но оставляется ей въ собственность. Изъ этого явствуетъ, что жена есть *участница* въ *благопріобрѣтенномъ* имуществѣ мужа; поэтому владѣлецъ такого рода имущества, который завѣщаетъ оное всецѣло въ пользу другаго лица, помимо жены своей, нарушаетъ коренные принципы русскаго законодательства.

Итакъ (на случай пересмотра гражданскихъ законовъ), было бы справедливо постановить:

1) Что обязанность мужа давать пропитаніе женѣ *не* прекращается его смертію, когда послѣ него осталось родовое или благопріобрѣтенное имущество.

2) Что это пропитаніе замѣняется выдѣломъ женѣ *указной* части какъ изъ родоваго, такъ и изъ *благопріобрѣтеннаго* имущества ея мужа.

Н. С.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

„Сборникъ гражданскихъ законовъ и постановленій, дѣйствующихъ въ губерніяхъ: варшавской, калишской, кѣлецкой, ломжинской, люблинской, петроковской, плоцкой, радомской, сувалкской и сѣдлецкой“.—Изданіе юридической коммиссіи. Варшава. 1869 года т. I (819 стр.).

Настоящая книга имѣетъ такое же значеніе, какъ изданіе г. С. Заруднаго, которое недавно было предметомъ рецензіи въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“.

Какъ извѣстно, гражданскіе законы, дѣйствующіе въ упомянутыхъ десяти губерніяхъ привислянскаго края, имѣютъ самое разнородное происхожденіе: положеніемъ 27 января 1808 г. при образованіи герцогства варшавскаго кодексъ Наполеона признанъ въ немъ закономъ дѣйствующимъ *). Это постановленіе осталось безъ измѣненія и при присоединеніи въ 1815 г. привислянскаго края къ Россіи подъ именемъ „Царства Польскаго“. Но вскорѣ почувствовались важные недостатки этой мѣры: примѣненіе Наполеонова кодекса на русской территоріи (имѣющей столь отличныя отъ Франціи географическія условія), особенности быта сельскаго населенія и городовъ, существованіе сословія дворянства, необходимость для русскаго правительства издавать въ привислянскомъ краѣ новыя узаконенія, дѣйствіе въ семъ краѣ русскаго „уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ (совершенно отличнаго отъ уголовнаго кодекса Наполеона),—все это породило въ привислянскомъ краѣ хаосъ и юридическую путаницу, какихъ не встрѣтить, можетъ быть, ни въ одной другой странѣ земнаго шара.

---

*) Въ ст. 2 положенія было постановлено: „гражданскіе судьи всѣхъ наименованій по вновь поступающимъ къ нимъ дѣламъ съ 1 мая текущаго года обязаны постановлять свои рѣшенія не иначе, какъ согласно правиламъ и узаконеніямъ того же кодекса Наполеона“.

Недостатки этого законодательства французско-саксонско-русско-польскаго были причиною изданія „гражданскаго уложенія Царства Польскаго“ (1825 г.) и „положенія о союзѣ брачномъ“ (1836 г. марта $^{16}/_{28}$). Въ послѣднихъ узаконеніяхъ говорится: о пользованіи гражданскими правами, потерѣ и временномъ лишеніи оныхъ, о мѣстѣ жительства и объ отсутствующихъ, о брачномъ союзѣ, о бракахъ между лицами православной католической вѣры, о расторженіи брака и о законности рожденія дѣтей, *) объ опекѣ.

Наибольшій интересъ изъ всѣхъ этихъ постановленій представляютъ законы о союзѣ брачномъ. Какъ извѣстно, по кодексу Наполеона бракъ есть гражданскій договоръ, и дѣла брачныя подвѣдомы судамъ свѣтскимъ; но правило это оказалось неудобнымъ въ примѣненіи къ привислянскому краю; поэтому „положеніе о союзѣ брачномъ 1836 г.“ постановило слѣдующее: бракъ между лицами римско-католической вѣры составляетъ союзъ, прекращающійся единственно смертію одного изъ супруговъ (ст. 1). Бракъ освящается *церковью* и совершенъ быть можетъ не иначе, какъ сообразно правиламъ и обрядамъ церковнымъ (ст. 2). Запрещается вступать въ бракъ лицамъ мужескаго пола ранѣе 18, а женскаго 16 лѣтъ отъ рожденія (ст. 6) **). Не допускаются браки лицъ римско-католической вѣры съ нехристіанами (ст. 24). Родство духовное составляетъ препятствіе къ браку: 1) между лицомъ крестившимъ съ одной, и лицомъ пріявшимъ крещеніе и родителями его съ другой стороны; 2) между лицомъ, пріявшимъ крещеніе или конфирмованнымъ, и родителями его съ одной, и воспріемниками съ другой стороны (ст. 33). Препятствія къ браку, возникающія отъ нарушенія правилъ общественной благопристойности, могутъ быть разрѣшаемы духовною властью (ст. 39). Запрещается лицамъ женскаго пола, находившимся уже въ замужествѣ, вступать въ новый бракъ прежде истеченія десяти мѣсяцевъ со дня смерти ихъ супруговъ или со дня признанія перваго брака ихъ недѣйствительнымъ (ст. 68) ***). Дѣла брачныя и о дѣйствительности бра-

*) Такимъ образомъ „гражданскимъ уложеніемъ Царства Польскаго (1825)“ и „положеніемъ о союзѣ брачномъ (1836 г.)“ были отмѣнены (по правилу lex posterior derogat priori)—все введеніе и 1-я книга кодекса Наполеона, т.-е. статьи 1—515 включительно (Дн. зак. т. X, стр. 291).

**) Постановленіе это заимствовано изъ т. X ч. 1 Зак. Гр. ст. 3.

***) Этотъ срокъ называется „annus luctus“ и основанъ (какъ мы полагаемъ) на томъ соображеніи, чтобы не смѣшивать дѣтей, зачатыхъ при прежнемъ бракѣ, съ дѣтьми, родившимися въ первый годъ втораго брака.—Это правило слѣдовало бы ввести и въ Сводъ Законовъ.

ка предоставлены разсмотрѣнію духовной власти (ст. 73—76), но опредѣленіе гражданскихъ послѣдствій уничтоженнаго брака или разлученія—подлежитъ вѣдомству гражданскихъ судилищъ (ст. 77) *). Бракъ лица греко-россійскаго исповѣданія съ иновѣрнымъ лицомъ долженъ быть вѣнчанъ священникомъ греко-россійскимъ; всѣ рождающіяся въ сихъ бракахъ дѣти должны быть воспитываемы *въ вѣрѣ греко-россійской.* (ст. 200).

Гражданское уложеніе Царства Польскаго 1825 г. въ отношеніи брачнаго союза содержитъ между прочимъ слѣдующія правила: разлученіе супруговъ отъ стола и ложа на опредѣленное время не уничтожаетъ никакихъ гражданскихъ послѣдствій брака (ст. 269). Узаконеніе дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, можетъ послѣдовать на основаніи королевскаго (?) постановленія по просьбѣ обоихъ родителей, либо одного лишь отца (ст. 296) **). Признаніе своимъ дитяти, рожденнаго внѣ брака, совершается формальнымъ актомъ, если это не послѣдовало въ актѣ о рожденіи дитяти (ст. 298).

---

*) За тѣмъ слѣдуютъ особыя правила „о бракахъ между лицами *греко-россійской вѣры*“ въ привислянскомъ краѣ. Всѣ эти узаконенія нынѣ совершенно лишнія, ибо въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, должны быть примѣняемы правила т. X. ч. 1 Свода Зак. Граж.—Относительно браковъ *магометанъ* правит. коммиссія юстиціи въ предписаніи 18 марта 1826 г. № 3328 сообщила судебнымъ мѣстамъ извлеченіе изъ *Алькорана*, относящееся къ расторженію браковъ: если супруги разводятся по поводу возникшей между ними ссоры и въ продолженіи 4 мѣсяцевъ не помирятся, то разводъ ихъ почитается дѣйствительнымъ, но имъ дозволено однакоже въ продолженіе упомянутаго 4 мѣс. срока помириться. Когда оба супруга разведутся по обоюдному ихъ согласію и когда такой разводъ состоится, жена не иначе можетъ вступить въ новый бракъ, какъ по трехмѣсячномъ *очищеніи*, причемъ ей запрещается утаивать о томъ, что она беременна.... Если бы одинъ изъ супруговъ измѣнилъ супружеской вѣрности, это составляетъ очень важный поводъ къ разводу,.... но мужъ и въ семъ случаѣ при разводѣ съ женою долженъ представить ей нѣкоторыя матеріальныя выгоды.—Послѣ перваго и втораго развода супругамъ дозволено снова соединиться, но если они разведутся въ третій разъ, то жена не прежде можетъ соединиться съ бывшимъ ея мужемъ, какъ только вступивъ въ новый бракъ съ кѣмъ либо другимъ, по разводѣ съ которымъ можетъ въ четвертый разъ вступить въ бракъ съ прежнимъ своимъ мужемъ, съ которымъ три раза уже разводилась.

**) Высочайшимъ указомъ, объявленнымъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній 29 іюля 1829 г., всѣ приносимыя Государю Императору прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей или воспитанниковъ, а также о сопряженіи къ законнымъ дѣтей, рожденныхъ до брака съ настоящею женою, повелѣно—не внося въ коммиссію прошеній, оставлять безъ движенія (Прим. къ ст. 144 т. X. ч. 1. Зак. Гражд.).

Сообразивъ эти постановленія, мы съ своей стороны находимъ, что хотя они были изданы подъ вліяніемъ *духовенства*, но составляютъ важный шагъ впередъ, ибо они: 1-е, сообразжены съ узаконеніемъ о бракѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи; 2-е, придаютъ браку значеніе церковнаго таинства.

Хотя намъ извѣстны мнѣнія многихъ юристовъ, которые убѣждены, что бракъ долженъ быть признаваемъ лишь гражданскимъ договоромъ, но мы съ своей стороны полагаемъ, что союзъ брачный, какъ учрежденіе, можетъ только выиграть отъ того, что церковь и законодательство признаютъ его таинствомъ.

Приданіе брачному союзу значенія договора (наравнѣ съ личнымъ наймомъ) *)—можетъ невыгодно подѣйствовать на общественное мнѣніе, распространить мысль, будто бракъ свободно расторгаемъ, что онъ основанъ лишь на имущественныхъ соображеніяхъ и на удовлетвореніи половыхъ, животныхъ влеченій человѣка. Сверхъ того женщины (которыя живутъ болѣе жизнію чувства и сердца, нежели ума, отличаясь сверхъ того большею религіозностью нежели мущины), безъ сомнѣнія, будутъ строже относиться къ обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ брачнымъ союзомъ, если послѣдній разсматривать какъ церковное таинство **).

За тѣмъ въ „сборникѣ гражд. законовъ и постановленій“ привислянскаго края *переведенъ кодексъ Наполеона*, дополненный притомъ: циркулярами правительственной коммиссіи юстиціи и правит. коммиссіи финансовъ и казначейства, постановленіями сейма (напр. $^1/_{13}$ іюня 1825 г.), декретами короля Саксонскаго—герц. Варшавскаго, постановленіями Намѣстника Царства Польскаго, польскими коронными конституціями (напр. 1653 г.), распоряженіями совѣта управленія Царства Польскаго, постанов-

---

*) Въ сущности—незаконное сожитіе двухъ лицъ различнаго пола есть ничто иное, какъ словесное соглашеніе сихъ лицъ (договоръ), но едва ли есть основаніе придавать браку такое значеніе, лишая его предстательства церкви.

**) Неудобство подвѣдомственности дѣлъ брачныхъ *судамъ духовнымъ* можетъ, по нашему мнѣнію, быть устранено постановленіемъ правилъ, что: а) по дѣламъ сего рода (число коихъ весьма не велико) образуется общее присутствіе изъ лицъ духовныхъ и членовъ судебныхъ мѣстъ, или же б) по примѣненіи къ ст. 1157, 1186, 1189, 1192, 1195 Уст. Угол. Суд., предоставляется духовному вѣдомству по дѣламъ о дѣйствительности брака: отряжать для бытности при слѣдствіи въ качествѣ своихъ повѣренныхъ—лицъ сего вѣдомства, назначать своихъ представителей для бытности при судебномъ производствѣ, требовать заблаговременно отъ предсѣдателя суда извѣщенія о мѣстѣ и времени назначеннаго по дѣлу засѣданія, получать безплатно копіи судебныхъ приговоровъ и пр.

леніями: учредительнаго комитета и комитета по дѣламъ Царства Польскаго, Высочайшими указами и пр.

Такъ какъ для русскихъ, желающихъ ознакомиться съ законами привислянскаго края, наиболѣе интересны не постановленія кодекса Наполеона, а упомянутыя выработанныя практическою жизнію *мѣстныя постановленія и распоряженія различныхъ вѣдомствъ*, то мы и приведемъ вкратцѣ сіи послѣднія *).

Относительно *лѣсовъ* правит. коммиссія юстиціи 25 апрѣля (7 мая) 1844 г. слѣдующимъ образомъ разъяснила техническія лѣсныя выраженія встрѣчающіяся въ законахъ: „устройство лѣса“ состоитъ въ раздѣленіи его на лѣсосѣки, въ которыхъ деревья вырубаются поочередно каждый годъ.—„Лѣсная очередь“ есть періодъ времени, въ который лѣсъ постепенно вырубается и возобновляется.—„Деревомъ, подлежащимъ рубкѣ“ называется то, которое достигло очереднаго возраста, то есть возраста, который подлежитъ рубкѣ.—„Обновленіе лѣса“ есть замѣна вырубленныхъ или упавшихъ деревъ другими новыми. — „Лѣсъ низкопенный“ есть тотъ, въ которомъ произрастаютъ деревья иглистыя, то есть такія, кои растутъ только изъ сѣменъ.—„Вырубкою“ называется срубка наголо въ низкопенныхъ лѣсахъ очередной части съ оставленіемъ лишь нѣкоторыхъ деревьевъ, назначенныхъ для защиты молодой поросли и для заступленія со временемъ старыхъ пней, кои, вѣтшая, лишаются способности пускать отростки.—„Рубка“ есть такая вырубка зрѣлаго высокопеннаго лѣса, при которой имѣется въ виду возобновленіе лѣса и заступленіе онаго молодыми густыми и одинаковаго подроста деревьями.—„Порубка темная“ бываетъ тогда, когда

---

*) Замѣтимъ кстати, что *обнародованіе законовъ* въ привислянскомъ краѣ нынѣ находится еще въ томъ положеніи, въ какомъ оно было въ 1808 году: законы должны быть вносимы въ особый сборникъ *„Дневникъ законовъ“* и лишь съ этого дня получаютъ обязательную силу. Между тѣмъ одни изъ этихъ законовъ вносятся въ „Дневникъ“ тотчасъ послѣ ихъ изданія, другіе же по истеченіи продолжительнаго времени. Обнародованіе законовъ въ Россійской Имперіи (т. 1) отнесено къ законамъ *основнымъ*, законы же основные должны быть *общіе* для всѣхъ частей государства. Поэтому необходимо вносить всѣ узаконенія по привислянскому краю въ *„полное собраніе законовъ* Россійской Имперіи“ съ тѣмъ, чтобы обнародованіе ихъ, на общемъ основаніи, было предоставлено 1 Д-ту Правит. Сената, а русскій текстъ считался подлинникомъ.—Изданіе по сему предмету новыхъ правилъ тѣмъ необходимѣе, что въ настоящее время въ привислянскомъ краѣ происходитъ явное смѣшеніе между законами, исходящими отъ Верховной Самодержавной власти, и циркулярами и распоряженіями различныхъ вѣдомствъ и управленій, могущихъ уклоняться отъ первоначальныхъ предначертаній закона.

вырубается такое количество деревъ, чтобы остальныя находились одно отъ другаго въ разстояніи 6 до 8 шаговъ, то есть, чтобы вершины деревъ могли еще смыкаться.—„Порубка ясная“ наступаетъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ порубки темной, и тогда вырубается половина оставленныхъ при темной порубкѣ деревьевъ, такъ чтобы остальныя деревья были отдалены одни отъ другихъ на разстояніи отъ 16 до 20 шаговъ.—„Головная порубка“ есть вырубка охранныхъ и сѣменныхъ деревъ, производящаяся обыкновенно два года спустя послѣ ясной порубки—и проч.

Изъ изложеннаго видно, что лѣсное хозяйство и лѣсное законодательство въ привислянскомъ краѣ—получили болѣе полное и совершенное развитіе, нежели въ остальныхъ частяхъ Русской Имперіи, и потому матеріалы по сему предмету могутъ послужить драгоцѣннымъ пособіемъ при пересмотрѣ Т. X.ч. I Законовъ Гражданскихъ *).

Въ привислянскомъ краѣ существуетъ: а) право безсрочно-чиншевое, иначе наслѣдственная или безсрочная аренда, главнымъ образомъ въ коренныхъ имуществахъ, б) право эмфитевтическое, в) право на поверхность земли, большею частью въ городахъ и г) ленное право.

Эмфитевтическое право не опредѣлено ни въ кодексѣ Наполеона, ни въ позднѣйшихъ законахъ, но составляетъ памятникъ прежнихъ законодательствъ. Оно впервые встрѣчается въ конституціи 1653 г. (Volumen legum, IV, стр. 416), а также въ конституціяхъ послѣдующихъ. Конституція 1768 г. постановила, что „jus emphyteusis можетъ быть установлено только на пустопорожнихъ земляхъ et cum videnti utilitati directi domini“.

По праву на поверхность земли (jus superficii) одному лицу принадлежитъ право на поверхность, главнымъ образомъ съ цѣлію возведенія на ней строенія, прочія права остаются за главнымъ собственникомъ. Первый обязанъ платить послѣднему опредѣленный чиншъ, а при всякой перемѣнѣ, въ лицѣ владѣльца поверхности, главный собственникъ за изъявленіе согласія взимаетъ плату.

Ленное право состояло въ томъ, что съ прекращеніемъ рода въ опредѣленной линіи имѣнія возвращались къ пожаловавшему оныя, то есть къ королю; эти имѣнія платили большія подати нежели земскія имѣнія и не были, подобно прочимъ, изъяты

*) Матеріалы по лѣсному законодательству напечатаны были (сколько намъ помнится) въ Юридическомъ Вѣстникѣ г. Шелгуновымъ.

отъ военнаго постоя. Нынѣ на правѣ ленномъ состоятъ едва нѣсколько имѣній.

Относительно „*маіоратовъ*“ учредительный комитетъ 25 ноября (7 декабря) 1865 г. постановилъ, что маіоратнымъ владѣльцамъ, которые будутъ о томъ ходатайствовать, *предоставляется въ полное ихъ распоряженіе* сумма, слѣдующая имъ въ видѣ выкупа или вознагражденія за земли, отошедшія подъ желѣзныя дороги, либо на другія общественныя надобности.

О *сервитутахъ* крестьянъ на помѣщичьихъ земляхъ изданы въ послѣднее время учредительнымъ комитетомъ множество весьма любопытныхъ постановленій, при чемъ, въ интересахъ крестьянскаго сословія, воспрещено заключать сдѣлки о вознагражденіи за утраченные сервитуты. (См. по сему предмету ст. 14—18 указа 19 февраля 1864 г. и постановленіе Учр. Комит. 14 декабря 1866 г.) *).

Относительно права *охоты и рыбной ловли* въ Высочайшемъ указѣ 19 февраля (2 марта) 1864 г. сказано: „право охоты на всемъ пространствѣ земель, которыя пріобрѣтаются крестьянами, принадлежащими къ одному сельскому обществу, равно какъ и право рыбной ловли въ водахъ, къ тѣмъ землямъ прилегающимъ,—принадлежитъ не каждому хозяину порознь, а всему сельскому обществу“. По 19 ст. Высочайшаго указа $^{3}/_{15}$ декабря 1866 г. о городахъ—„съ упраздненіемъ вотчинныхъ отношеній городскія общества пріобрѣтаютъ право охоты на городскихъ земляхъ и право на находящіяся въ чертѣ сихъ земель воды и на рыбную въ оныхъ ловлю, хотя бы даже они этими правами донынѣ не пользовались. Рыбныя ловли въ искусственныхъ прудахъ и звѣринцы, устроенные въ чертѣ частнаго владѣнія, остаются въ исключительномъ пользованіи владѣльцевъ“.

Какъ замѣчательный *курьёзъ* должно привести, что въ законахъ привислянскаго края есть *особыя* правила (ст. 981—998 К. Н.) о завѣщаніяхъ, совершенныхъ военными, моряками и пр. Но нынѣ нѣтъ войскъ Царства Польскаго, а войско Россійской Имперіи по отношенію къ своему внутреннему управленію руководствуется сводомъ военныхъ постановленій. Въ привислянскомъ краѣ по его географическому положенію не можетъ быть и нѣтъ ни моря, ни флота, въ законахъ же Имперіи изложены подробныя правила о совершеніи духовныхъ завѣщаній въ по-

*) Мы вполнѣ сочувствуемъ этимъ постановленіямъ, ограждающимъ интересы крестьянскаго сословія и привязывающимъ его узами благодарности къ русскому правительству. Мѣры эти проведены неутомимою энергіею „члена завѣдывающаго дѣлами учредительнаго комитета“ Я. А. Соловьева.

ходахъ, въ госпиталяхъ, на корабляхъ, а также лицами, состоящими въ карантинѣ. За тѣмъ упомянутыя постановленія К. Н. представляются излишними.

Въ отличіе отъ кодекса Наполеона (въ которомъ по 1583 продажа считается совершившеюся „dés quon est, convenu de la chose et du prix“) прав. комм. юстиціи $^{18}/_{30}$ марта 1851 г. разъяснила, что „согласіе собственника (dominus directus) хотя необходимо въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ таковаго отчужденіе невозможно, само по себѣ есть только уполномочіе на переносъ права собственности и не можетъ замѣнить собою документовъ на право собственности“.

Относительно предметовъ, не подлежащихъ продажѣ, слѣдующія распоряженія заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) никакому вѣдомству, ни судебному, ни административному, ни даже частному собственнику—не дозволяется назначать въ продажу книги и всякаго рода сочиненія, пока опись онымъ не будетъ пересмотрѣна и засвидѣтельствована цензурнымъ вѣдомствомъ съ цѣлью изъятія отъ публичной продажи запрещенныхъ книгъ (сов. упр. 25 іюля (6 августа) 1833 г., прав. комм. юстиціи 24 августа № 7096 и 5 января 1855 г. № 22 349). 2) Передача, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, права на полученіе эмеритальной пенсіи, а равно и жалованья, назначаемаго чиновникамъ изъ казны, безусловно запрещена... (К. Г. С. 580). 3) Погорѣвшій, желающій переуступить признанное ему вознагражденіе иному лицу, имѣющему по настоящему уставу право строиться, обязанъ сдѣлать это офиціальнымъ актомъ, по полученіи предварительнаго согласія вѣрителей и мѣстнаго начальства.... (Дп. зак. т. 34, стр. 4 и 124).

О *наймѣ имуществъ* есть особыя правила; именно, съ цѣлію опредѣленія однообразныхъ квартальныхъ сроковъ для найма жилищъ въ Варшавѣ и твердаго означенія времени для съѣзда съ квартиры, совѣтъ управленія въ 1828 г. (Дп. зак. т. XII, стр. 194) постановилъ: 1) тамъ, гдѣ въ договорахъ о наймѣ помѣщеній, уже совершенныхъ и впредь могущихъ быть совершенными, срокъ квартальный или время съѣзда съ квартиры не означены, каждый изъ четырехъ кварталовъ въ году начинается и кончается 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября. 2). Срокъ для съѣзда съ квартиры полагается осьмидневный, считая съ перваго числа каждаго квартала включительно. Если бы въ теченіи сихъ 8 дней встрѣтились два праздничные, тогда за каждый праздничный день, исключая воскресенья, добавляется одинъ день будничный. 3) Въ теченіи срока, означеннаго въ предшедшей статьѣ, долженъ съѣхать каждый наниматель такъ, чтобы

въ послѣдній день срока, назначеннаго для съѣзда, находился со всѣмъ своимъ имуществомъ на новой квартирѣ *).

О наймѣ слугъ намѣстникъ 24 декабря 1823 г. издалъ рядъ правилъ, изъ которыхъ многія являются весьма практичными: дозволяется брать слугъ только для занятій, непротивныхъ закону и нравственности (ст. 6). Условіе о наймѣ почитается заключеннымъ, если слуга или служанка принимаетъ на себя обязанности, о которыхъ они договорились, соглашаются на предлагаемыя хозяиномъ или хозяйкою условія и на сей конецъ берутъ задатокъ (ст. 11). Если срока службы въ договорѣ не означено, то подразумѣвается, что договоръ заключенъ на срокъ, опредѣленный мѣстнымъ обычаемъ (ст 14). Если слуга нанялся въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ, то тотъ хозяинъ (если только пожелаетъ его держать) имѣетъ первенство, который первый далъ задатокъ; прочимъ же задатки должны быть возвращены (ст. 18). Слуга, принявшій въ одно время нѣсколько задатковъ, подвергается взысканію, какъ за обманъ (ст. 19). До срока и безъ предварительнаго объявленія ни хозяинъ не можетъ отказать слугѣ, ни слуга не можетъ отойти, развѣ по взаимному согласію (ст. 20). Сверхъ того указаны случаи, когда слуга имѣетъ законные поводы отойти отъ хозяина или, наоборотъ, послѣдній отказать слугѣ отъ мѣста.

Относительно размѣра *процентовъ* при *займѣ* сеймъ 16 дек. 1811 г. постановилъ: 1) количество узаконенныхъ процентовъ устанавливается въ сдѣлкахъ гражданскихъ по 5%, и въ сдѣлкахъ торговыхъ по 6%. 2) Проценты низшіе, нежели 5%, платимые по записямъ съ постоянныхъ капиталовъ, остаются въ своей силѣ. 3) Процентъ договорный не можетъ быть присуждаемъ судомъ выше процента узаконеннаго. За тѣмъ постановленіемъ сейма $^{14}/_{26}$ апрѣля 1818 г. дополнено, что: а) проценты договорные, установленные до изданія вышеупомянутаго постановленія, должны быть присуждены на основаніи договора до дня обнародованія того же постановленія, если законы того времени, когда договоръ заключенъ, дозволяли высшій процентъ, нежели 5%. б) Со дня же обнародованія того постановленія проценты, въ прежнее время условленные, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть присуждены болѣе 5%; но возвращенія уже уплаченныхъ высшихъ процентовъ требовать не дозволяется.

---

*) На практикѣ въ Варшавѣ всѣ договоры о наймѣ квартиръ пишутся сообразно этимъ правиламъ. Съ своей же стороны мы замѣтимъ, что порядокъ этотъ весьма удобенъ для домовладѣльцевъ, но отнюдь не для нанимателей квартиры, ибо найти хорошую квартиру можно лишь дождавшись начала квартала (отъ слова quarta).

Въ отношеніи *заклада* необходимо замѣтить, что въ привислянскомъ краѣ существуютъ главнымъ образомъ два правительственныя установленія, уполномоченныя къ выдачѣ ссудъ подъ закладъ: *польскій банкъ* и *ломбардъ при магистратѣ г. Варшавы*. Что касается польскаго банка, то уполномочіе къ выдачѣ ссудъ подъ залогъ общественныхъ бумагъ, продуктовъ, издѣлій и разныхъ драгоцѣнностей—вытекаетъ изъ ст. 17, 20, 21-й царскаго постановленія отъ $^{17}/_{29}$ января 1828 г. (Дн. зак. т. XII, стр. 132); главнѣйшія же условія, на которыхъ должны быть производимы ссуды этого рода, указаны въ § 98—143 подробной инструкціи польскому банку, утвержденной въ засѣданіи совѣта управленія $^{9}/_{21}$ іюля 1840 г. Польскій банкъ выдаетъ вышеозначенныя ссуды главнымъ образомъ торгующимъ и землевладѣльцамъ всего края; оказывать же помощь бѣдному классу населенія г. Варшавы посредствомъ ссудъ подъ ручные залоги составляетъ назначеніе ломбарда, учрежденнаго при магистратѣ г. Варшавы. Начало существованія сего ломбарда относится къ той эпохѣ, когда этотъ городъ находился во власти прусскаго правительства, такъ какъ въ это время, именно 26 іюля 1796 г., состоялось въ Берлинѣ королевское постановленіе, въ которомъ указаны основанія этого учрежденія. Изложенныя въ вышепоименованномъ постановленіи правила были обязательны до конца 1850 г., въ которомъ, а именно $^{6}/_{18}$ декабря правительственная коммиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ издала *счетоводно кассовыя правила для ломбарда города Варшавы*. Однако, не смотря на это, постановленіе 1796 г. не было отмѣнено: напротивъ оно до сихъ поръ имѣетъ обязательную силу вмѣстѣ съ упомянутыми правилами 1850 г. Въ этихъ *правилахъ* повторяются главнѣйшія основанія первоначальнаго постановленія.

Наконецъ въ концѣ сборника изданнаго юридическою коммиссіею помѣщены ипотечные уставы 1818 и 1825 года, которые многими юристами считаются даже лучше прусскаго ипотечнаго устава.

Такимъ образомъ настоящій „сборникъ гражданскихъ законовъ“ впервые знакомитъ основательно русскихъ юристовъ, не знающихъ польскаго языка, съ законами дѣйствующими въ привислянскомъ краѣ, а это весьма важно въ виду того: а) что въ настоящее время большая часть чиновниковъ въ семъ краѣ и многіе землевладѣльцы—русскіе; б) что Высочайшимъ повелѣніемъ на юридическую коммиссію, состоящую исключительно изъ русскихъ юристовъ, возложенъ пересмотръ гражданскихъ законовъ.

Можно надѣяться, что русскіе дѣятели, наученные опытами прошедшаго, постараются приблизить гражданскіе законы при-

вислянскаго края къ русскимъ законамъ, чтобы по возможности уменьшить несущественныя особенности мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ этой части Русской Имперіи. Но конечно въ этомъ случаѣ не нужно вдаваться въ крайность, такъ какъ многіе изъ нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи гражданскихъ законовъ отличаются важными недостатками и безъ сомнѣнія въ скоромъ времени будутъ измѣнены.

Поэтому пересмотръ гражданскихъ законовъ, дѣйствующихъ въ привислянскомъ краѣ, было бы всего удобнѣе соединить съ переработкою Свода Зак. Гражд. т. X ч. 1, и тогда многіе отдѣлы гражданскихъ законовъ привислянскаго края могутъ быть замѣнены изложеніемъ русскихъ гражданскихъ законовъ; другими словами, мы считали бы вполнѣ полезнымъ и согласнымъ съ государственными и національными интересами Россіи—издать для Имперіи и для привислянскаго края *общее уложеніе гражданскихъ законовъ*, въ которомъ нѣкоторые мѣстные законы для привислянскаго края были бы приведены—въ видѣ исключенія изъ общихъ законовъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ т. X. ч. 1. изд. 1857 относительно губерній *Черниговской* и *Полтавской* *).

Единство законодательства для государства—есть неоцѣнимое благо, и привислянскій край по своимъ экономическимъ, юридическимъ и географически-племеннымъ условіямъ (въ особенности послѣ изданія Высочайшаго указа 19 февраля 1864 года) — конечно гораздо ближе стоитъ къ Россіи, нежели къ Франціи, тогда какъ въ немъ дѣйствуетъ кодексъ Наполеона.

А. Д. Любавскій.

---

*) Число жителей въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской (до 4 милл.) почти равняется числу населенія привислянскаго края (5 милл.).

ОБЪ ИЗДАНІИ

ЮРИДИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

въ 1869 году.

Московское Юридическое Общество имѣетъ честь довести до свѣдѣнія публики, что въ книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева (въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ) и М. П. Анисимова (въ С.-Петербургѣ, подлѣ публичной библіотеки) принимается подписка на издаваемый Обществомъ журналъ *Юридическій Вѣстникъ*, который для бо́льшаго удобства какъ редакціи, такъ и подпищиковъ этого журнала выходитъ не съ 1-го іюля 1868 года, а съ 1-го января 1869 года. Лица, уже подписавшіяся на *Юридическій Вѣстникъ* въ періодъ времени отъ 1-го іюля 1868 г. до выхода настоящей публикаціи, получатъ первую книжку *Юридическаго Вѣстника* вмѣстѣ съ прочими подпищиками въ теченіи января мѣсяца.

Юридическій Вѣстникъ попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками объемомъ не менѣе пяти печатныхъ листовъ, распадаясь на слѣдующіе отдѣлы:

I. Статьи и изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, преимущественно же гражданскаго и уголовнаго, въ томъ числѣ и судопроизводства. Сюда будутъ относиться какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи.

II Судебная практика, въ которой будутъ помѣщаться важнѣйшія судебныя рѣшенія съ критическими замѣчаніями или разборомъ.

III. Критика и библіографія замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

IV. Разныя извѣстія.—Замѣтки.—Корреспонденція *Юридическаго Вѣстника*.

СОЧИНЕНІЕ А. КВАЧЕВСКАГО.

Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 г. Теоретическое и практическое руководство. Часть I. Объ уголовномъ преслѣдованіи и искѣ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія; цѣна 1 руб. 85 коп. Часть II. О дознаніи и розыскѣ; цѣна 2 рубля.

Обѣ части продаются въ С.-Петербургѣ: у Сущинскаго по Могилевской улицѣ домъ № 7, въ книжномъ магазинѣ Анисимова рядомъ съ Публичной Библіотекой, въ Москвѣ: у Анисимова на Никольской и у другихъ книгопродавцевъ; въ Острогожскѣ (Воронеж. губ.) у Квачевскаго.

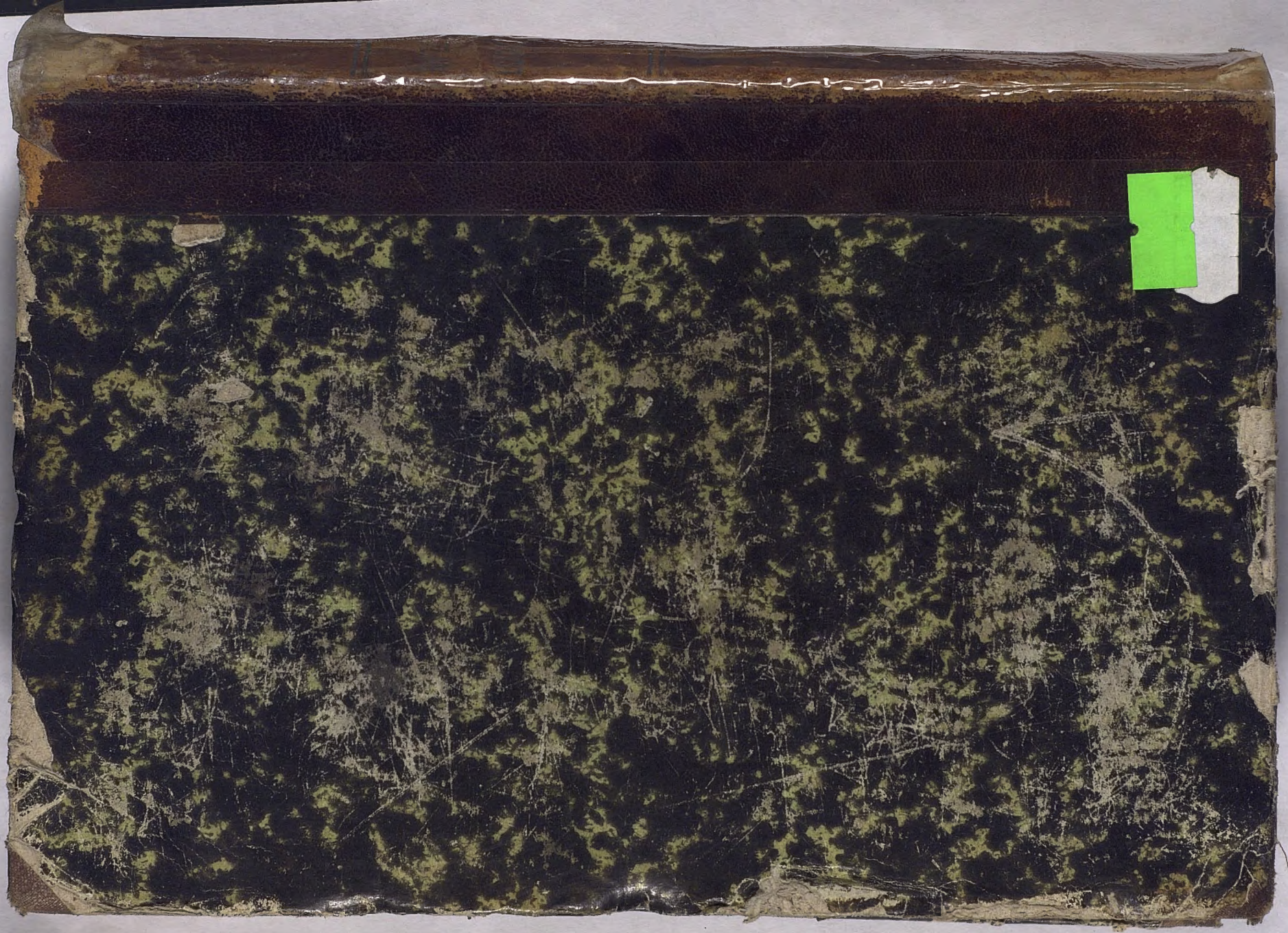
Часть III. *О предварительномъ слѣдствіи* выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

Юридическій Вѣстникъ выходитъ ежемѣсячно книжками объемомъ не менѣе пяти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна *пять* рублей за двѣнадцать книжекъ; за пересылку прибавляется *одинъ* рубль.

Подписка на 1869 годъ (съ января) принимается: въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ, и въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова подлѣ Публичной Библіотеки.

Статьи, высылаемыя для напечатанія въ **Юридическомъ Вѣстникѣ**, должны быть отправляемы на имя Московскаго Юридическаго Общества или прямо на имя С. С. Шайкевича на Поварскую улицу въ Ржевскій переулокъ въ домъ Заикина.

Редакторы: **Н. Калачовъ.**
С. Шайкевичъ.

3р –

00083624
ЮФ СПбГУ